

Сергей Носов

Построение квадрата на шестом уроке

Лауреат премии «Национальный бестселлер»

Сергей Носов

**Построение квадрата
на шестом уроке**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Носов С. А.

Построение квадрата на шестом уроке / С. А. Носов —
«АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-105897-5

Сергей Носов — прозаик, драматург, автор шести романов, нескольких книг рассказов и эссе, а также оригинальных работ по психологии памятников; лауреат премии «Национальный бестселлер» (за роман «Фигурные скобки») и финалист «Большой книги» («Франсуаза, или Путь к леднику»). Новая книга «Построение квадрата на шестом уроке» приглашает взглянуть на нашу жизнь с четырех неожиданных сторон и узнать, почему опасно ночевать на комаровской даче Ахматовой, где купался Керенский, что происходит в голове шестиклассника Ромы и зачем автор этой книги залез на Александровскую колонну...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105897-5

© Носов С. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Первая сторона	5
Рома и Педофил	5
Неподвижный	12
Он потребовал клятвы	16
Две таблички на газоне	20
Без воротника	35
Вторая сторона	38
Посещение	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Носов

Построение квадрата на шестом уроке

Первая сторона (сама по себе)

Рома и Педофил

Рома проснулся и сразу вспомнил о Педофиле: сегодня четверг.

Он и перед сном думал о Педофиле, потому что завтра четверг, а это было вчера (когда думал): представлял, каким будет из себя Педофил, и очень не хотел, чтобы Педофил приснился. Педофил не приснился. Роме вообще ничего не приснилось, а если и приснилось что-нибудь, он это забыл в момент просыпания, но все равно первая мысль этим утром была о Педофиле.

А через минуту пришла мама будить Рому в школу и очень удивилась, что он уже не спит. «Ты разве не спишь?» – спросила мама, увидев, что Рома сидит на кровати и ей будить некого. Рома не знал, что ответить, и ответил: «Проснулся».

Рома только два раза сдавал экзамены: первый раз – в первый класс, когда его просили прочитать стихотворение и определить, какая из четырех картинок лишняя (лишним был верблюд), а второй раз – когда он поступал в детский хор и не прошел почему-то, – в тот вечер мама и папа вдруг поругались; папа говорил «ты всегда навязываешь свои предпочтения», а мама говорила «много ли ты занимался ребенком?»... Только два раза за всю свою жизнь Рома сдавал экзамены, но и этого больше, чем надо, чтобы, распробовав, уже не забывать, как бывает, когда будет экзамен, – неправильность обнаруживается в животе и какое-то странное смещение тяжести в теле – особенно утром, после сна, до того как еще не вышел из дома. И сейчас, распознав знакомую внутри себя смещенность, Рома понимает, что и это будет для него тоже экзаменом – сегодняшняя встреча с Педофилом.

Кухня, стол. Есть не хочется, но чтобы не задавали вопросы об отсутствии аппетита, он безропотно ест омлет. Мама проницательна и может о многом догадываться по глазам, поэтому Рома глядит в тарелку. Но с разглядыванием тарелки тоже нельзя переусердствовать, иначе будет вопрос: «Что-то случилось?» – а у Ромы всегда получается плохо, когда он пытается что-то скрыть.

О педофилах он знает достаточно много. Это бабушка почти ничего о них не знает. Она сама восклицала как-то: «Мы и слова не знали такого “педофил”, это только сейчас появилось!..» А вот и не сейчас. Оно появилось давно. И они были всегда, педофилы.

Потому что бабушка не пользуется интернетом. А мама, хотя и пользуется интернетом, но зачем ей знать о педофилах больше того, что она и так знает?

Папа, наверное, знает не меньше Ромы, но вряд ли это ему интересно.

А Роме все интересно. Ни папа, ни мама, ни бабушка даже не догадываются, как много знает Рома о педофилах. Наверное, думают, что всё, что он знает, это что нельзя никуда уходить с незнакомыми дядями, да и тетями тоже. Думают, наверное, что он только и знает о педофилах, что от них исходит опасность, а в чем опасность, откуда ж им знать, как много знает об этом Рома?

Так думает Рома – как думают про него.

А ведь и педофилы тоже бывают разными. И разве стал бы сегодня Рома соглашаться на педофила, если бы тот был, как те, какими пугают взрослые? А всё как раз в том, что он совсем не такой. Костя-Лопата так и сказал: «Недоделанный педофил».

Костя знает. Это его – педофил. Лопата считает себя хозяином Педофила.

Бабушка провожает Рому. Рома уже большой, и он сам способен провожаться в школу, но бабушке по пути, после Ромы она поедет на автобусе в музей истории города, где работает в книжном киоске, хотя и на пенсии. А папа уже отправился в офис, и мама тоже ушла на работу. Рома из школы сам возвратится, и сегодня он встретится с Педофилом.

Бабушка, провожая Рому в школу, очень часто занудствует: она спрашивает, не забыл ли Рома дома дневник, папку для труда, тетрадь с домашним заданием. Раньше ее беспокоило, все ли Рома запомнил из того, что учил вчера, она даже могла устроить проверку – правило грамматики спросить, например, или важную дату истории, но после того как Рома стал раздраженно отвечать ей вопросом: «Бабушка, тебе интересно?» – она поняла, что он повзрослел, и перестала приставать с проверками знаний. Путь их пролегает по территории, которую одни называют пустырем, а другие садом, но не правы ни те, ни другие, считает Рома: потому что ты уже не пустырь, если на тебе растут деревья, но еще и не сад, если их всего два. Ему нравится слово «сквер», которое от слова «квадрат», хотя тут нет ни сквера, ни квадрата, но Рома учит английский, а вот бабушка английского не знает совсем, и зря она заводит песню про то, как хорошо учили тогда и как мало дают сегодня.

Потом они идут по улице, украшенной гирляндами в честь юбилея города, переходят трамвайную линию, где трамвай делает поворот, и это место бабушка считает самым опасным, ведь хвост трамвая на повороте очень сильно заносит, помнит ли об этом Рома? Расстаются на углу, у светофора. Здесь уже много школьников, все они идут со стороны моста, все они проходят мимо магазина «Тюль», улица освещена и кажется бабушке уже безопасной, ей надо налево, к автобусной остановке, но она не торопится уходить и смотрит, как Рома доходит до школьных дверей, он знает, что бабушка ждет, поэтому оборачивается и машет рукой, а она машет ему.

Первый урок – физкультура. Бег по линии зала, общеукрепляющие упражнения. Рома физкультуру недолюбливает, потому что у него не получается с легкой атлетикой.

Сегодня повторяют прыжки в высоту – простым приемом «ножницы». А у Ромы не получается в высоту – даже простым приемом. И дело вовсе не в том, что у него недлинные ноги, дело в том, что он не может рассчитать длину разбега. С арифметикой у него хорошо, а вот с длиной разбега не очень. Тамара Евгеньевна недовольна: «Рома, ты определился с толчковой? Какая у тебя – правая или левая?» – «У меня обе». Но сам-то он знает, что толчковых у него ни одной.

«Перестань бояться перекладины!» – говорит учительница, только Рома перекладины совсем не боится, – как можно бояться какой-то перекладины? – он вообще ничего не боится, все, чего он боится, можно пересчитать по пальцам одной руки, просто у него не получается выбрать нужный разбег, и поэтому он уже знает, подбежав к перекладине, что перепрыгнуть ее не получится.

Тамара Евгеньевна – широкоплечая, крупная, всех учительниц в школе крупнее. В молодости она была чемпионкой по метанию диска. На ней тренировочный костюм ярко-синего цвета, и на шее у нее висит свисток, а голос у нее командный.

Она любит хлопать в ладоши. Вот она хлопает в ладоши и кричит: «А сейчас не только на физическое развитие, но и на товарищескую взаимопомощь!» Будут играть в «четыре мяча», для этого все делятся на две команды. Поровну не выходит: в Роминой команде четырнадцать человек, а в команде противника – тринадцать, поэтому в команде противника начинается ропот: «Так не честно, Тамара Евгеньевна, их больше!» Учительница обводит взгля-

дом обе команды и говорит: «Рома, перейди к ним», – и Рома, немного помедлив («Ну давай же, поторопись!»), переходит в другую команду, хотя там его не очень-то ждут и даже как будто ему не рады, но, раз их теперь на одного больше, больше никто не жалуется на судьбу, да и в команде, которую покинул Рома, не замечают потери – им без Ромы не хуже, чем с Ромой.

Игра очень веселая, и это правильно, что она в конце урока. Шум, гам. Команда Ромы победила с уверенным перевесом в три очка, и Рома ликует со всеми своими, правда за всю игру ни один из четырех мячей ему так и не достался, и чуть-чуть мысль об этом омрачает Ромину радость, но не сильно – только чуть-чуть.

Раздевалка. Обсуждается фильм о вампирах, который Рома не видел. Диму Рожкова укусила клещ этим летом и теперь он хочет всем показать от операции след. Но ничего особенного никто на спине Рожкова не замечает. «Да вы под лопаткой смотрите! Была ж операция!» Рома встает на цыпочки и глядит через плечо Гексогена: «Под какой, под какой лопаткой?» А Телега вдруг вспоминает: «Сегодня четверг!» – радостно бьет Рому в плечо: «Ты не забыл?» Рома оборачивается и хочет испепелить взглядом Телегу: как так можно при всех? День Телеги был понедельник. Но ведь это же тайна, их общая тайна!

Застегивая рубашку, Телега делает значительное лицо, и это означает верность Телеги их общей тайне. Их общая тайна это вот кого тайна: Ромина тайна, Телегина тайна, Алика Бакса, у которого настоящая фамилия Букс и который пропускает уроки, потому что заболел гриппом, и, конечно, Кости-Лопаты, который из параллельного «Б». Лопата – Педофила хозяин.

И все же Телега хочет внимания, а поскольку никто из переодевающихся не обратил на него внимания, он добавляет: «Потом расскажешь».

Очень не нравится Роме Телега. После Педофила Телега стал зазнаваться.

«Вы про что?» – спрашивает Федосей.

«А так!» – отвечает Телега, неуклюже подмигнув Роме.

Лестница. На площадках дежурят старшеклассники, чтобы никто не гонялся, – такова традиция школы. Математика у Ромы на третьем этаже, а уроки параллельного «Б» – на четвертом. Рома хотел подняться на четвертый, чтобы поговорить с Лопатой, пусть знает, что все хорошо, но Лопата сам его ждет на третьем.

«Готов?» – спрашивает Лопата Рому.

Рома отвечает: «Готов».

Класс закрыт на ключ. Пока не пришла Антанта с ключом и классным журналом, одноклассники Ромы носятся как угорелые по коридору. В школе всегда говорят «как угорелые» про тех, кто носится по коридору. Только Лопата и Рома не носятся – у них разговор.

«Да ты не ссы, – говорит Лопата, – он не кусается».

«Я и не ссу», – гордо отвечает Рома.

Тут к нему подбегает Юлька: дай арифметику. Рома достает из рюкзака тетрадь с гоночными машинами на обложке, Юлька хватает ее и убегает списывать к подоконнику. «Бесплатно? – недоумевает Лопата. – У нас так не дадут». Рома пожимает плечами и видит, как в Лопате борются противоположные чувства – зависть к положению дел, когда можно сдуть свободно, и уверенность в том, что любая домашка стоит денег.

Рома стал бы олигархом, если бы у них было как в классе Лопаты. Он знает: олигархом ему никогда не стать. А кем стать, он сам не знает.

К Юльке присоединяется Света Жук, а Рите Фроловой не хватает на подоконнике места.

Рома и Лопата договариваются о встрече после уроков, чтобы вместе пойти к Педофилу. Лопата удаляется к себе на четвертый этаж.

Почему Антонина Антоновна стала Антантой, это понятно любому, но кто бы мог подумать, что так уже назывался военный блок? В интернете очень много есть про Антанту. Антонина Антоновна Антанта и есть.

Антанта пришла только в этом году, а до нее была Ольга Михайловна. Ольгу Михайловну весь класс любил.

Рома задумался о Педофиле.

Позавчера ему Лопата все рассказал. Они с Педофилом нашли друг друга три недели назад. До того Костя никогда не встречал педофилов. Этот подошел к нему на улице и сразу сказал, чего он хочет и сколько он за это даст. «Я тебя не трону, мальчик, совсем не трону, ты только посмотри, неужели тебе не любопытно, а?» Лопата сразу сказал, что к нему домой не пойдет, а тот и не хотел домой, он знает закуток во дворе за сараем. Так Лопата за три минуты заработал четыреста рублей и установил, что Педофил – «недоделанный». Никого не трогает, а только показывает. Одним словом, идиот. Через три дня сеанс повторился, за те же деньги, а вот после третьего раза Лопата Педофилу почему-то приелся, захотелось ему разнообразия – показать другому кому-нибудь, не Лопате. Тогда Лопата рассказал все Алику Баксу, который на самом деле Букс, и он охотно согласился заработать двести рублей, потому что другие двести рублей Лопата определил себе, как Педофила хозяин. А на этой неделе во вторник (дни Педофила были вторник и пятница) двести рублей заработал Телега. В своем классе о Педофиле Лопата никому не рассказывал, он решил искать сотрудничества среди «ашников». Телега порекомендовал Рому, потому что, на его взгляд, Педофил мог Ромой заинтересоваться, и тогда Лопата посвятил Рому в тайну своего Педофила. «Он не опасный, – убеждал Рому Лопата, – он недоделанный, и смотреть на это совсем не страшно, даже смешно. Тут главное, не рассмеяться. У тебя есть выдержка? И еще надо говорить: “здорово! здорово!”».

Это Роме не очень понравилось – что надо будет говорить «здорово! здорово!». Лучше бы он это отсмотрел молча. Но недоделанный Педофил, оказывается, будет обязательно спрашивать: «Здорово?» – и ему надо отвечать с очень серьезным видом: «Здорово! Здорово!» и изображать, что это действительно здорово, хотя на самом деле все наоборот, далеко не здорово, и Рома еще подумает, надо ли говорить «здорово!».

И еще Рома с самого начала был убежден, что ничего смешного не будет. Он знает, что это нехорошая работа – смотреть на педофила, только не потому нехорошая, что приносит кому-нибудь вред, а потому, что она неприятная – вроде работы исследователя внутренностей червяков, и стыдная тоже. Зато недолгая. Быстрая. К любой работе можно морально себя подготовить, особенно к быстрой работе. А неприятных и стыдных работ очень много на свете. Вот, например, та усатая врач, которая участвовала в медосмотре перед началом учебного года... Рома даже вспоминать не хочет об этом... Это можно ведь с ума сойти, если посвятить жизнь таким наблюдениям!

«Рома, – говорит Антонина Антоновна, – ты все решил?» Он давно все решил. «Тогда проверяй, а не смотри в окно».

Юлька касается пальцем его локтя – чтобы он проверил ее вариант, и пододвигает листок поближе к нему, пересекая границу, обозначенную на парте шариковой ручкой. Задачки у них на среднее арифметическое, эта тема простая. Во втором примере он видит у Юльки ошибку. «Семь», – говорит.

«Где семь?» «Семь, а не девять», – тихо, но отчетливо произносит Рома. Юля не торопится исправлять. «Почему?»

«И не мешай Иванцовой!» – рассердилась Антанта.

«Потому что семь», – шепчет Рома.

Эту границу парты придумала Юлька. Она первая начертила линию, чтобы Рома не задвигал за нее свои тетради, а он тогда линейкой стал измерять расстояния и установил, что

Юлькина граница вовсе не посередине парты, и надо, если по-честному, сдвинуть границу в сторону Юльки на целых три сантиметра. Что он и сделал. А Юлька тоже стала тогда измерять, и у нее получилось, будто парта кривая, и она провела другую границу, уступив только один сантиметр. У них уже давно идет война за эту спорную полосу, Рома считает, что он может двигать на нее свои предметы, а Юля считает, что нет. Все осложняется тем, что у обоих плохое зрение и обоим предписана первая парта, – приходится друг друга терпеть.

Антанта ходит по классу, собирая контрольные. Юля в последнюю секунду исправляет девять на семь.

Времени до звонка еще много, и Антанта вызывает к доске Руслана, чтобы он прорешал на доске примеры из этой контрольной. Руслан путается в цифрах, делит не на то и наконец дерзко заявляет: «А где мне в жизни понадобится это среднее арифметическое?» «Как где?» – восклицает Антанта. И она начинает рассказывать, где.

А ведь это немало – двести рублей за три минуты. Рома перемножает в столбик, не слушая Антонину Антоновну. За час он мог бы заработать, когда бы вот так и платили, страшно подумать – четыре тысячи рублей! За один только час! А если бы так за рабочий день! Рома поражен: он бы тогда зарабатывал во много раз больше, чем зарабатывают его родители. Он не знает, сколько они зарабатывают, но здесь, здесь что-то совсем немыслимое! И даже если в общем доходе семьи учитывать пенсию бабушки, Рома один получал бы гораздо больше зарплату, чем родители с бабушкой вместе взятые! Рома не будет себя обманывать: это только на первый взгляд легкие деньги, а по правде – очень трудные деньги!.. Смотреть и смотреть.

Роме нравится думать по-взрослому. Он вспоминает разговоры о низких зарплатах учителей. Может, потому Антанта всегда недовольна, что мало она получает. Рома единственный в классе, чьи арифметические способности Антонина Антоновна ценит, но и на Рому она тоже часто фырчит. А больше всего ей не нравится расписание, по которому математика после физкультуры.

А посмотреть по-другому – и что такое двести рублей? Да ничего! Совсем ничего!

Но ведь это первый заработок Ромы – то, что запомнится на всю жизнь. Дедушка, спросят внуки, а когда ты первый раз заработал? В вашем возрасте, Рома ответит.

Самому заработать, это то, чего хочется Роме.

А сами деньги тут почти ни при чем.

Юлька запрещает ему касаться ее половины парты, и как-то плохо у него получается, когда играют командами, но ведь именно Рому позвал Костя-Лопата и доверил ему тайну своего дела. Эта тайна теперь только их четверых, если не считать Педофила. И Рома ценит то, что ему доверили тайну.

А увиденные гадости можно забыть. Вот и звонок. «Запишите номера задач на дом», – повелевает Антанта.

День долог, почти бесконечен, уроки – один длиннее другого. Часть речи местоимение проходят на русском. Я. Мы. Ты. Вы. Он. Она. Оно. Они. Они называются личными. Они никого и ничего не называют по имени, а только указывают на кого-то или на что-то. Урок ведет Нина Витальевна. Она практикантка. На ней серая кофта. Она часто засовывает в карманы кофты руки и сразу вытаскивает. Еще она напоминает Роме его двоюродную сестру Ленку, потому что часто поправляет волосы.

Урок ОБЖ тоже ведет Нина Витальевна. Папа считает ОБЖ самым нелепым предметом. Рома слышал однажды, как папа говорил маме, что предмет ОБЖ для того и придуман, чтобы запугать школьников. Лучше бы им давали военную подготовку с первого класса. Ты так говоришь, отвечала мама, потому что сам не служил в армии. А бабушка хвасталась: у них был гроб – гражданская оборона. Их водили в бомбоубежище и даже давали надеть противогаз. Только сначала надо было измерить свой овал головы. Бабушка не помнила,

долго ли они сидели в противогазах, но помнила, что надо было знать свой номер: каждой голове противогаз подбирался по номеру. Номер своего противогаза бабушка давно забыла. Она убеждена, что все противогазы давно украдены. Рома не верит этому.

Рома любит ОБЖ. Это веселый урок. На нем рассказываются страшилки. Но никто ничего не боится, и здесь, конечно, папа не прав. Каждый школьник знает стихи про мальчика, который нашел гранату, и про электрика Петрова, который повесился на проводе и теперь у него качаются ноги. И это очень смешно, а совсем не страшно.

Только практикантку Нину Витальевну слушать не интересно – она сама словно боится того, о чем рассказывает. Когда шум в классе начинает усиливаться, Антанта, которая сидит на последней парте, бьет по парте ладонью.

Урок посвящен стихийным бедствиям и грозным явлениям природы.

Нина Витальевна установила у доски две картины – «Последний день Помпеи» и «Дети, бегущие от грозы».

«Есть еще время. Тебя точно не будут встречать?»

«Да нет же! Меня только провожают – это потому что бабушке по пути, а обратно я сам».

Лопата удовлетворен ответом. Солнце сияет, на улице хорошо. Курсанты строем в баню идут. Рома и Лопата уступают им дорогу. У обоих школьные рюкзаки за плечами: у Лопаты с кармашком для телефона, а у Ромы просто рюкзак с двумя большими карманами, но без кармашка для телефона. До встречи еще полчаса – чтобы убить время, решили пойти дальним путем.

Лопата инструктирует Рому: «И не забывай про “здорово”. Только говори “здорово”, когда он сам спросит “здорово?”. Если спросит “а что здорово?”, говори “все здорово”, и больше ничего не говори, ясно?»

Ясно. Но Лопата видит, что не все ясно. «Да я разберусь», – говорит Рома.

Останавливаются. Внешний вид Ромы Лопату не совсем устраивает. «Причешись. У тебя есть расческа?» У Ромы была расческа, но он ее потерял, а у Лопаты есть, складная расческа – как перочинный ножик, и, хотя мама не разрешает Роме пользоваться чужими расческами, он старательно причесывается расческой Лопаты.

«И очки тоже сними».

Рома охотно соглашается. Так Роме лучше – он меньше увидит. Он же не собирается, в самом деле, разглядывать.

«Волнуешься?» Но в этом Рома Лопате ни за что не признается, да и себе тоже.

Пришли наконец. Здесь когда-то были качели. На скамейке сидят алкоголики, занятые собой. А в стороне у столба стоит Педофил в черном пальто, спиной к Лопате и Роме и заложив за спину руки.

Рома сразу догадался, что он Педофил.

Сердце сильнее забилося.

Подходят к нему, и Лопата ему говорит:

«Вот!»

Педофил, не сходя с места, поворачивает голову и смотрит через плечо сверху вниз на Рому, а Рома снизу вверх глядит на Педофила.

Рома видит лицо Педофила нечетко, но и без очков он видит все самое главное – лохматые брови, мешки под глазами и вдоль каждой щеки по глубокой морщине, как будто след от маски, которую мог бы надевать Педофил. Рома не помнит, как зовут того американского актера, на которого очень похож Педофил. А из-под бейсболки на висках у него торчат седые волосы.

Они глядят друг на друга, а потом Педофил произносит:

«Нет».

«Чё нет? – дергается Лопата. – А чё нет-то?»

«Нет, – говорит Педофил. – Этому – нет».

И от этого «этому – нет» у Ромы по спине пробегают мурашки.

А Педофил уже уходит, и за ним побежал Костя-Лопата.

Рома видит, как Лопата догнал Педофила, они остановились и говорят о чем-то. Потом Педофил дальше идет, а Лопата бежит к Роме.

«Что ты наделал! – шипит Лопата. – Что ты наделал!»

«Что? Что я наделал?» – не понимает Рома.

«Ты его напугал!»

«Как напугал? Как?»

«Как-как! Через каку! – сжав кулаки, кричит Лопата. – Зря только связался с тобой!..»

И он бежит назад к Педофилу, догоняет его, и они идут вместе, а потом переходят улицу и скрываются за углом.

Рома, не зная как быть, еще с минуту стоит на месте.

Рома ошеломлен. Он не понимает, почему так получилось. Что он сделал не так. Что такого ужасного в нем разглядел Педофил. Рома хочет найти причину. Может быть, Педофил сидит в одном офисе с папой, и сейчас он Рому узнал, потому что видел когда-то? Но педофилы не могут вместе с папой работать... в чем же дело тогда? Вот в чем дело – дело в другом! Педофил наверняка догадался, что у Ромы плохое зрение (Рома надевает очки). А Лопата Педофила неправильно понял!.. Но ведь Рома никого не хотел подводить...

Он плетется домой, и на душе у него очень скверно. Словно он получил в дневник незаслуженное замечание. Словно в нем есть что-то хорошее, что приняли за плохое. Рома вспоминает, как бабушка говорит ему часто: «Мой ангел». Он глядит на себя, отраженного в стекле витрины магазина «Химик»: ангел ли он? Уши... они у него оттопырены (Юлька сказала однажды, что у него уши прозрачные). Но ведь это же не чудовищно? Это же не настолько чудовищно, чтобы напугать человека?

Неподвижный

Первое, что в голову приходит, – Старый Арбат, но нет: другое достопримечательное место, где вечером не так многолюдно.

А сейчас – день.

К неодушевленным достопримечательностям прибавляется живая – человек-статуя занимает место. Прежде чем войти в образ, медленно потягивается, разминает пальцы.

Специальный бледно-мраморный грим, соответствующая одежда.

Данте? Вергилий? Некий философ? Персонаж неизвестной комедии?

Замер.

Перед ним открытая сумка.

«Пешеходы бросают мзду» (как писал когда-то по другому – парижскому – случаю Андрей Вознесенский).

Но, конечно, не все. Одни просто проходят, другие приостанавливаются, всматриваются, чего-то ждут, кто-то издалека наблюдает, словно боится подойти ближе. В общем, отношение к объекту вполне обычное, будничное, характерное.

– Мам, а он настоящий?

– Ты же видишь, что нет.

Мимо проходящая дама:

– Вот не будешь бабушку слушаться, таким же станешь.

Предводимые экскурсоводом с алым флажком, мимо идут иностранцы – в русских ушанках и буденовках, с матрешками и балалайками. Вид человека-статуи вызывает у них коллективный приступ радости. Приветствуют, как старого знакомого. Фотографируют. Один кладет купюру в раскрытую сумку. Статуя в знак благодарности слегка изменяет позу.

Продавщица хот-догов смотрит в окно.

Лимузин. Подбегают молодожены. Вместе снимаются. Статуя к восторгу невесты слегка к ней повернулась.

Реплики прохожих:

– Скрытая реклама памперсов.

– Понаставили – пройти негде.

– В Италии такие на каждом шагу стоят.

Последнее произнес, по-видимому, доброжелатель; ему закономерный ответ:

– Ну и поезжайте в свою Италию.

Двое – один худой, другой круглолицый – плюс девица; оба перед ней не прочь порисоваться.

– Хочешь пива? – предлагает худой человеку-статуе, щедрым жестом протягивая недопитую банку.

Ноль реакции.

– Чё, трудно ответить?

– Статуи не пьют, – говорит круглолицый с усмешкой.

– А чё, трудно ответить? – заводится худой.

Щелкает пальцами перед носом:

– Так и будем стоять?

Смотрит на неподвижного с недоброй улыбкой: уж тебе! Неподвижность человека-статуи им воспринимается как вызов.

– Выносливый, да?

Почему бы не исследовать пределы профессиональной выносливости? Надевает ему на неподвижный мизинец банку из-под пива. Заглядывает в глаза.

– Терпеливый какой!

– Хочет сказать, что мы ему безразличны, – с грустью в голосе комментирует круглолицый.

– А покурить?

Перед глазами застывшего появляется сигарета. (Иногда, представим, нам дано смотреть глазами живой статуи: как если бы в неподвижную камеру – в наши глаза – влезали лица самых общительных, а также демонстрируемые ими предметы.)

Ноль реакции.

– Значит хочет.

Попытка протиснуть сигарету между губ. Кое-как получилось.

– Надо же, не укусил!

– Куда ему кусать – он зубы сжал!

Публика собирается: любопытство, участие, азарт экспериментаторства, неучастие, вялое недовольство.

Зажигалка в руке худого. Только изо рта неподвижного выпала сигарета.

– Статуи не курят, хочет сказать, – интерпретирует круглолицый.

– Да он ничего не хочет сказать, – вступает за неподвижного из публики некто. –

Просто молчит.

– Щас посмотрим. Помаду дай, – обращается к подружке худой. – Скажет или не скажет.

– Гы, гы, гы.

Продавщица хот-догов:

– Хватит! Отстаньте! Что пристали к человеку!?

– А где тут человек? Разве это человек? – удивляется худой, нанося неподвижному яркую помаду на губы.

– Ты не умеешь, – протестует подруга. – Перестань, вдруг у него сифилис.

Подсказка со стороны:

– На лбу напиши.

На лбу, однако, пишется плохо.

– Штукатурка, бля! Не берет.

Лишь нечеткая буква Х изобразилась на лбу. Худой недоволен, его подруга – тоже.

– Ты мне всю помаду запачкал! Дай сюда!

– А если палец отломать, интересно, почувствует, нет? – любопытствует круглолицый. – А что, Верунька, слабо ему палец отломать? У тебя должно получиться.

Палец, однако, не отламывают – худому приходит в голову другая идея:

– Знаю, как надо.

Берет сумку со мздой и вертит у неподвижного перед глазами.

– Твое? Не твое? Неужели мое? Если не твое, значит мое?

Своим:

– Пошли.

Уходят с сумкой, оглядываясь.

Человек-статуя: ноль реакции.

Публика вяло расходится. Один, уходя, говорит неподвижному:

– Что ж ты в глаз ему не дал? Я б не сдержался, я б дал.
Ноль реакции.

Худой возвращается – лицо перекошено злобой.

– Ты думаешь, мне твоя сраная сумка нужна, твои рубли говёные? Да я эту дрянь на первой помойке выброшу – понял, урод?

Время проходит. Человек-статуя неподвижен. На палец надета пивная банка, губы перепачканы ярко-красной помадой, на лбу буква Х.

Проходящие с опаской и тревогой поглядывают на него. Замедляют шаг, чтобы тут же ускорить.

Продавщица хот-догов, женщина, в общем-то, некрасивая, говорит сочувственно:

– Сама весь день на ногах, я-то знаю, что значит стоять. А ведь я кручусь. А он не крутится.

Тот, к кому она обратилась, дает сдачу дочке:

– Снеси дяде.

– А там некуда положить.

– Ну, брось под ноги тогда.

Девочка бросает монетку неподвижному дяде под ноги.

Время проходит. Стемнело. Свет фонарей. Пространство пустынно.

Человек-статуя как стоял, так и стоит.

Два полицейских подходят. Смотрят. Молчат.

Один снимает с пальца живой статуи пивную банку (не порядок!).

Человек-статуя: легкое изменение положения – и снова застыл.

– Ну вы это... уходите уже. Больше никого не будет. Зачем?

Ноль реакции.

Полицейские находят верным уйти.

Продавщица хот-догов закрыла мини-вагончик.

Подошла к неподвижному.

– Ну, чего?.. Ничего?.. Нет никого. Все кончились. Гордый, что ли?

Раскрывает зонт, заносит его над неподвижным.

– Капает, – говорит продавщица. – Тебе нельзя.

Человек-статуя: легкий жест благодарности.

Продавщица – как о давно наболевшем:

– Господи! Почему так много говна?

Нет ответа.

Другим тоном:

– Я так и буду стоять? – закрывает зонт. – Ты как хочешь, а мне пора.

Человек-статуя неподвижен.

Затемнение – время проходит.

Двое стоят под зонтом (держит она) – у обоих отрешенные лица (каждый думает о своем, если о чем-нибудь думает): некрасивая женщина и человек-статуя с раскрашенными губами.

Мимо проходит бомж, не обращая на них внимания. Поднимает монетку. Удаляется прочь.

Это ночь.

Двое неподвижных под одним зонтом: некрасивая женщина и человек-статуя.
Дождь моросит.

Он потребовал клятвы

Утром я тогда стала с подарками разбираться, – Виталий Сергеевич, Виталёк мой, еще изволили в постельке нежиться, или мучиться было бы правильней, потому что головушке буйной бо-бо, хоть и не буйствовал он вчера в обычном понимании буйства, а держал себя чинно вполне – босс боссом. Не в упрек ему будет, он свое под конец сумел навестать, да и мне сейчас аскорбиночка после теплого душа весьма подошла. А подарки ему сплошь прикольные, бесполезные для хозяйства и какой-либо практики, – но ведь это любому известно, какой он противник условностей, и тот из вас промахнется, кто на полном серьезе одарить его ценным предметом захочет. Часть даров Лёня-шофер еще ночью в офис отвез – памятные кирпичи, гирь набор, бронзовую кувалду, настоящий штурвал – под метр диаметром, табуретку – ровесницу виновника торжества... Ну а то, что было полегче, доставили к нам домой на Зеленую улицу – мелочь всякую вроде стреляющего будильника или кожаной плетки кобоя, или тапочек с фонариком, зажигающимся при ходьбе, или вечного двигателя с неутомной вертушкой. И цветы, много цветов – это мне, я не скрою, я рабыня условностей.

Виталий Сергеевич мой ценит репутацию оригинала. В сферах, отвечающих его интересам, среди управленцев данного уровня такое редкость большая. Был один известный чудила – теперь на волю малявы пишет. Тут, кроме прочего, чувство меры должно быть. Чувство меры и такт. А иначе тебя не поймут. Не пойдут за тобой в твоём направлении.

Ну так стала я, значит, подарки разбирать поутру – что себе, что в подшефные ясли отдать, что в подшефный дом престарелых, – и вдруг замечаю среди этих прикольностей вещь одну, о которой не знаю, что и подумать. Так и оцепенела, увидев. А тут выходит из спальни Виталий Сергеевич в новом элитном далеко не прикольном халате цвета «слоновая кость» (это ему от меня – и ничто не подвигнет меня на глупые бесполезности, – я ж сама, посмотреть на меня, уникальный подарок, дорогой и не бесполезный отнюдь), весь выходит красавчик такой, несмотря на здоровье – весь такой он весь из себя у меня весь герой – весь взбодренный, молодец молодцом, сорок пять и не дашь, да и я, посмотреть на меня, ничего, хороша, вовлекательна, потому что уже марафет наведен и невозможны претензии к моей боеготовности. Но, надо честно быть до конца, освятить это утро актом любви, признаюсь, нам бы было обоим не очень-то в радость, если бы мы оба на это сумели данным утром решиться, – вот я тут ему и скажи:

«Виталёк! Посмотри, что тебе подарили!»

«Что такое, Дудуня?» (он Дудуней меня называет).

«Да ты сам посмотри!»

«Это что?» – произносит, уставясь на это.

«Книга!» – я говорю.

Он глядит и, я вижу, сам не верит глазам:

«Книга? Мне?»

А то действительно книга.

Муж, подумав, тогда говорит:

«Это, наверное, кто-то вчера в ресторане оставил, мало ли зачем взял в ресторан, может, и не из наших кто-нибудь, а привезли вместе с подарками – угораздило же ее затеяться в подарки!..»

«Виталёк, не поверишь, но она в пакете была, в этом, в подарочном...» – и ведь верно, сказала как есть: вот пакет, а на нем самолетики – одним словом, для мальчиков.

Он стакан воды в себя опрокинул и спрашивает:

«Уж не хочешь ли ты сказать, мне ее подарили?»

«Дорогой, именно так!» – ему отвечаю.

«Странно, кто мог мне подарить книгу? Ты посмотрела, в пакете нет открытки?»

«Нет», – говорю.

«А между этих, как их... между страниц?»

«Нет ничего. Да ты сам посмотри».

Но он не стал ее брать в руки. Он на нее глядел, как на бомбу, которую ему втихариya подсунули.

Понимаете, в прошлом году у нас ограбили виллу. То ли охрана спала, то ли что. История мутная, непонятная. Никого не нашли. Я давала показания первый раз и, хотелось бы думать, последний в жизни. Унесли кое-что из мелких вещей, рисковать ради которых было странно, по-моему, – электронику кое-какую, пару картин, мои безделушки, между прочим – купальник, в котором Виталий Сергеевич впервые увидел меня на «Мисс Федерации», но что всего замечательней – эти идиоты зачем-то спиионерили кактус: рос у нас кактус на втором этаже в субтропической оранжерее. Мы не хотели огласки. Но шило в мешке, да еще при информационном голоде, сами знаете, не утаишь. В новостях сообщили. Виталий Сергеевич мой вынужден был, раз на то пошло, продемонстрировать в своей оригинальной манере как бы легкость отношения к жизни, ну как бы то обстоятельство, что мы выше с ним любых житейских невзгод, – Виталёк представил обществу дело таким веселым образом, что ради кактуса к нам и приходили грабители. В социальных сетях дело и вовсе к шутке свелось, и нам сочувствие выражали исключительно в связи с потерей кактуса. А тут как раз день рождения надвигался (это значит, сорок четыре – в прошлом году). Гриша Голубицын, зам Виталия Сергеевича моего по оргвопросам, непосредственно отвечал за проведение мероприятия. Шеф ему дал установки, и он уже сам позаботился, чтобы гость нес в подарок мужу моему кактусы. Весь ресторан был заставлен кактусами. Было весело – правда. Виталий Сергеевич оценил флешмоб. Потом об этом долго еще говорили.

Я к тому, что, если бы кто-нибудь подарил в этом году кактус, было бы уже не смешно, даже глупо, но все-таки объяснимо. Туго у человека с чувством юмора – заклинило, бывает такое. Но это можно понять. Кактус – можно понять.

Но – книгу!..

Я с ним пять лет живу. Я не видела ни разу, чтобы он держал в руках книгу. У нас даже положить ее некуда, чтобы не резала глаза никому.

Кактус, к слову, один у себя мы оставили, он в гостиной у нас. И еще один уехал на дачу.

Или вот традиционное что-нибудь – подарил бы кто-нибудь галстук, допустим – это было бы совершенно не в тренде, скучно, банально, однако же – объяснимо.

Мой подарок, элитный халат – другое совсем – я вне трендов: я и галстук могу, и трусы, или просто – любовь (беспредметно)... Я – другое. Но посмотрела бы я, как бы он на меня посмотрел, если б я ему книгу...

Книгу я полистала: как говорится, художественная, с разговорами. У нее автор есть, который все и придумал.

Видите ли, дело ведь не в самом предмете, а в человеческих взаимоотношениях.

Если человеку мысль приходит подарить Виталию Сергеевичу книгу, значит, он совершенно не понимает, что такое Виталий Сергеевич. Это тоже самое, что Виталия Сергеевича Степаном Юрьевичем назвать, да так и остаться при убеждении, что Степан Юрьевич он, а не Виталий Сергеевич.

И при этом даритель с Виталием Сергеевичем в каких-то отношениях состоит – может быть, у них общие дела, может быть, они вместе в совете директоров заседают, и кем же тогда даритель Виталия Сергеевича представляет?

А может быть, он как раз все представляет как надо? Ведь не будут книгу дарить просто так? Книгу дарят не иначе как с умыслом. На что-то ведь был расчет? Не на то ли, что Виталёк мой, в самом деле, прочтет книгу? А для чего? Не для того ли, чтобы образ мысли

подвергнуть коррекции? Чтобы что-то узнал он из этой книги такое, чего он без этой книги не знает? Чтобы в нем изменилось что-нибудь, хотя бы на грамм, а иначе как прикажете думать?

Есть в этом подарке элемент принуждения – садись и читай. А почему он должен читать? А он не будет!

Откуда эта нахальная самоуверенность – что непременно будут читать? Да сказала же я – он ее не откроет!

Непонятный подарок.

Более непонятный, чем ненужный. От ненужного легко избавиться. Не хочешь в мусорное ведро, выйди во двор, положи рядом с баками – бомжи оценят. Это с ненужным. А с непонятным иначе. Непонятное надо понять. Иначе станет непонятное мучить. Пока непонятное не понято, рука не поднимается утилизировать вещь.

Он сказал:

«Убери».

Я положила в ящик буфета на кухне – под набор льняных салфеток, но потом мне показалось, что было бы лучше убрать на антресоли ее.

Потом мы несколько раз в течение дня возвращались к этой теме: кто мог из гостей подарить книгу? Обычно дарители сопровождали дарение коротким спичем, иногда – тостом, так вечный двигатель был Виталию Сергеевичу, например, вручен под соусом того, что Виталий Сергеевич трудоголик. А бронзовая кувалда ему была подарена с намеком на стиль руководства строительством многофункционального объекта в Старом городе и на твердость характера – как-то так, подробности не помню, но спич был. А с книгой никаких спичей не было. Скорее всего, даритель просто преподнес Виталию Сергеевичу со словами дежурного поздравления праздничный пакет-мешочек, а мой не догадался внутрь заглянуть или не успел по причине многолюдства. Ничего такого, связанного с особенностями дарения, в памяти у нас не запечатлелось.

Был Виталёк рассеян весь день, чувствовалось, что подарок выбил его из колеи. Вечером он спросил меня, не хочу ли я прочесть эту книгу. Я, конечно, сказала, что нет, конечно.

«А надо?»

«Надо не надо, а мне надо знать, про что там. Чтобы кто-нибудь рассказал, хотя бы в общих чертах».

«Солнышко, можно я не буду – что-то не хочется мне читать».

Он ничего не ответил.

Утром, когда его увезли в градостроительный совет, меня совесть терзала: зря я так не по-человечески как-то. Даже позвонить хотела, что согласна, и только потому не позвонила, что знала, что в этот час по понедельникам у них совещание.

А он сам позвонил – чтобы я приготовила книгу: Лёня заедет за ней и увезет. Голубицын прочесть согласился.

Голубицын читал книгу больше недели, и, хотя книги не было в нашем доме, Виталий Сергеевич мой заметно нервничал. Аппетит у него явно испортился, накричал на домработницу, чего не позволял себе раньше, и по отношению к себе стала я ощущать с его стороны заметную холодность. Как-то раз он вернулся со службы, и я по лицу его поняла, что случилось: Голубицын книгу прочел. Я не спрашивала ни о чем. Он мне сам пересказал содержание – со слов Голубицына.

Это был не то роман, не то сборник рассказов – что-то современное такое. В одном школьник напугал педофила зачем-то, в другом старая дева разводила дрожжи, а у нее под окнами собаки гадили. Там еще Достоевский, тот самый, кого-то грохнуть хотел. Голубицын честно сказал, что один рассказ он не стал читать – там автор-мужчина от лица женщины повествовал. Голубицыну не понравилось очень.

«Может быть, он не все понял?» – предположила я, потому что Голубицыну ни в чем не доверяю (только поэтому).

«Да что тут понимать? Ясно же – бред!».

Кажется, я догадалась:

«А я знаю, зачем тебе подарили! Затем, что кто-то решил, что тебе это понравится!»

Он пронзил меня убийственным взглядом:

«Ты сказала «я знаю»? Позволь поинтересоваться, на чем зиждется твое твердое знание?»

Я хотела сказать о женской интуиции, но не нашла нужных слов и запнулась, – он вдруг закричал:

«Это ты, это ты мне подарила книгу!»

Я так испугалась, что у меня похолодели ноги.

Я пыталась ему объяснить, что он заблуждается, но напрасно, напрасно я пыталась ему объяснить, что он заблуждается: он решительно требовал, чтобы я призналась в содеянном.

Но подумайте сами, мне-то какой интерес дарить ему книгу? Я попыталась призвать его к логике, но какой в этом прок, когда, по их убеждениям, наша логика – женская?

Он кричал:

«Я тебе верил всегда! Почему ты идешь теперь на обман?»

Мне было очень обидно, я его никогда не обманывала – ну почти никогда, да и то, что было, если было, никогда обманом не было. Я заплакала. Он теперь и слезам не хотел моим верить.

«Ну почему же ты не признаешься? Ну, скажи, ну только признайся, я все пойму!»

Я лишь могла лепетать, что это не я.

Он не верил.

Он потребовал клятвы.

Никогда не клялась. Но тут – поклялась. Нашей любовью. И даже взяла щепоть земли из горшка с кактусом – и съела у него на глазах.

По поводу земли он сказал:

«Это лишнее было».

Поверил.

Мы обнялись и в итоге друг друга утешили.

С тех пор у нас все хорошо.

А книга осталась у Голубицына. Позже я узнала, что он снес ее в тот ресторан и положил на подоконник в банкетном зале.

Две таблички на газоне

Нет, Лёпа не даст соврать, против собак Тамара Михайловна ничего не имеет, правда, Лёпа? Дело не в собаках, а в людях. Вот пожалуйста: подошел к трансформаторной будке и закурил, отпустив поводок, а собака, боксер, уже хозяйничает на газоне как дома.

– Видишь, Лёпа, – говорит Тамара Михайловна, – сейчас гадить начнут.

Лёпа все видит, но смотреть на это Лёпе противно, потому он и шевелит своим пушистым хвостом. Лёпа встает на лапы, медленно обходит горшок с фикусом Бенджамина (шесть лет растению) и, негромко мяукнув, начинает ласкаться к хозяйке. Мол, не обращай, Тамара, внимания. Не затрачивайся.

А как же тут не затрачиваться, когда он стоит и курит и ждет, когда собака его сделает это? А она по газону ходит под окнами и к чему-то принюхивается, и только время тянет. Нет, Тамара Михайловна не против собак и даже того, что оправляются у нее под окнами, но ведь не убирают, сволочи, вот что гадко. И ведь этот не уберет.

Она нарочно одернула занавеску и стоит, нависнув над подоконником, едва не касаясь лбом стекла, – вдруг тот снизу увидит, что за ними из окна наблюдают, может, постесняется хотя бы. Тамара Михайловна открыла бы окно и подала бы голос, но, чтобы открыть окно, надо с подоконника убрать горшки с цветами – столетник, щучий хвост и фикус Бенджамин, который не любит, когда его переставляют с места на место. Делать нечего – надо убрать цветы с подоконника. Тамара Михайловна переставляет цветы, а Лёпа прыг на пол и, подойдя к пустому блюдечку перед раковиной, требовательно мяукает, призывая Тамару Михайловну не тратить нервы на бесполезное и думать о близком.

– Подожди, Лёпочка, подожди, дорогой.

Боксер в характерной позиции самозабвенно тужится.

Тамара Михайловна наконец открыла окно:

– Надеюсь, вы не забудете убрать за собакой?

Тот, внизу, делает вид, что не понимает, откуда голос, – оборачивается и смотрит в глубь двора, в противоположную от Тамары Михайловны сторону.

– Вы забыли убрать за собакой!

Увидел ее и нагло так отвечает:

– Здесь не запрещается.

– Это что не запрещается? – захлебывается от возмущения Тамара Михайловна. – Убирать за собой не запрещается?

Но они уже оба уходят, не обращая на нее внимания: скрываются в арке, что под ее окном.

– Вот сволочи. Хоть письмо пиши.

Опять. Это мамино выражение. Имела ли мама в виду что-нибудь, когда говорила «хоть письмо пиши»? Куда, зачем писать и о чем? Когда-то это мамино «хоть письмо пиши» сильно резало слух Тамаре Михайловне, а в молодости просто злило ужасно, и вот она теперь сама уже нет-нет и скажет: «Хоть письмо пиши». С этим надо бороться.

Но о чем она думает, когда думает «с этим надо бороться», сразу ей не ответить. Да и зачем отвечать, если никто не спрашивает? А вот зачем. А затем отвечать, что нельзя расслабляться. Ясен пень, тут и думать не надо, с чем надо бороться: с «хоть письмо пиши». Остальное, включая собак, – наносное и внешнее, и, надеяться можно, еще поправимое. Без самодисциплины и дисциплины не будет.

Она стала ловить себя на том, что часто с собой разговаривает. Ее бы это больше тревожило, если бы не было Лёпы. Когда рядом Лёпа, разговаривать с Лёпой это нормально.

Лёпа все понимает. Но она и с мамой иногда разговаривает, точнее, ей иногда что-нибудь говорит – всегда есть, что сказать из того, что не было сказано раньше.

Иногда она обращается к Машке, но это когда нет под рукой телефона. Племяннице, слава богу, можно всегда позвонить. Но Тамара Михайловна не злоупотребляет звонками.

Лёпа ест нежирный творог – если пренебречь разницей между тем, что считается «второгом» у нас в магазинах, и тем, вкус чего еще не забыла Тамара Михайловна. Ему повезло с Тамарой Михайловной. Она ему не дает кошачьего корма с искусственными добавками и усилителем вкуса. Если рыбку, то рыбку. Лёпа такой. Очень любит почки телячьи, печень, сердце – и вообще субпродукты. Рацион Лёпы и Тамары Михайловны в значительной степени совпадает, причем Тамара Михайловна подстроилась к Лёпиному рациону.

Это если не считать вкусенького.

Под вкусеньким Тамара Михайловна понимает (Лёпе этого не понять) меда ложечку на печенине. Другую размешивает в чашке чая, а потом идет в комнату смотреть телевизор.

Сегодня не просто телевизор, а с ее участием.

Ток-шоу «Так ли плохо?» своим названием обыгрывает фамилию Леонида Нехорошева, будет первая передача. У Маши есть приятельница Лика, она работает администратором в «Так ли плохо?», Маша как-то ей рассказала про Тамару Михайловну и про то, что она ни разу в жизни в рот сигареты не взяла, Лика тут же позвонила Тамаре Михайловне и пригласила ее записаться в передаче «Так ли плохо не курить?» Разумеется, не курить хорошо, это Тамара Михайловна хорошо знает. К выступлению она очень основательно подготовилась, в ночь перед записью почти не спала. Ее посадили в четвертый ряд, там человек сорок было таких, как она. Внизу на подиуме стояли два дивана, и вокруг них суетился Леонид Нехорошев, а на диванах сидели представители разных мнений, включая с одной стороны священника, а с другой – художника по макияжу, очень худого и почему-то в черных очках. Вот эти на диванах и спорили друг с другом под управлением Нехорошева, а Тамаре Михайловне никто слова не дал. Зато ей полагалось вместе с другими такими же зрителями время от времени хлопать в ладоши. Она была очень обескуражена. И сказала себе, что больше на такое ни за что не подпишется. И Лике она по телефону сказала, что зря только потеряла время. Но время прошло, и Тамара Михайловна успокоилась. Ей стало интересно посмотреть, что там у них получилось.

Понимает, что поспешила: села перед телевизором за двадцать минут до передачи. Значит, вкусенькое вместе с горячим чаем кончится еще до начала «Так ли плохо?». Тамара Михайловна не любит, когда на вкусенькое выпадают блоки рекламы, но ничего не поделаешь – не ждать же, когда чай остынет.

Началось. Только, к удивлению Тамары Михайловны, передача «Так ли плохо?» совсем не та – не «Так ли плохо не курить?», а «Так ли плохо не воровать?», о которой она даже ничего не слышала. Те же два дивана, те же ряды со зрителями, тот же суетный Леонид Нехорошев, но только все не про то, не про курение. И на диванах, кроме всё того же священника, совсем другие люди о чем-то спорят. А о чем спорят, сразу и не понять, потому что и те, и другие вроде бы согласны, что чужое брать нехорошо, но есть все же детали, в которых расходятся. Передача Тамаре Николаевне совершенно не нравится. И Леонид Нехорошев ей на экране не нравится, и что хлопают зрители, отзываясь на пустые высказывания, ужасно ее раздражает. Публика глуповато выглядит. И хорошо, думает Тамара Михайловна, что я в этом не участвую. Она уже выключить телевизор хочет, как вдруг – что такое?! – видит себя. Вот она, крупным планом, и лицо у нее сердито-сосредоточенное. Тамара Михайловна пугается даже, и, когда вслед за этим Нехорошева и прочих снова показывают, нет у нее уверенности, что не померещилось ей.

Потом ее, под конец, еще раз показали, и сидела она, как тогда, в четвертом ряду, и было у нее выражение на лице очень сосредоточенное.

Тамара Михайловна номер Лики набрала.

– Что это значит, Лика, объясните, пожалуйста, только что «Так ли плохо?» показывали...

– Да, да, вы видели? Вам понравилось?

– Почему-то не про курение, а...

– Про курение через четверг, – перебивает Лика, – а это первая передача, ее раньше записывали, без вас. Не волнуйтесь, вы в сетке. Через две недели себя увидите.

– Так в том-то и дело, что я себя увидела!

– Отлично! Мои поздравления!

– С чем поздравления? Меня вставили, где меня не было! Как это, по-вашему?..

– Это потому, – объясняет Лика, – что обе передачи монтировались одновременно. Не надо удивляться. Или вам что-то не нравится?

– Да ведь меня показывают там, где меня не было! Я там была в другой день, в другой раз! Это ж другое событие!

– Ну и что? Есть возражения по существу?

– Да ведь это ж неправда!

– У вас лицо выразительное. Вы режиссеру понравились.

– Мало ли кому я понравилась! Это же фальсификация!

– Ну, не знаю... То есть вы не хотите, чтобы вас еще приглашали?

– Быть статистом? Конечно, не хочу! Мало того, что я время убила... истуканом сидела, словно мне сказать нечего было... так меня еще всунули, где меня не было!..

– Послушайте, – говорит Лика, – некурящих и курящих очень много, а вот скоро новая запись будет, на одну очень интересную тему, и уж там-то вам точно дадут поговорить... Вы правда специалист по дрожжам?

– Какая разница, по чему я специалист! – восклицает Тамара Михайловна. – Знайте, Лика... Это обман! Вы меня очень сильно разочаровали.

На этом разговор заканчивается.

Тамара Михайловна стоит во дворе и смотрит на газон: лежат собачьи говешки в пожухлой траве, и число их несметно. Когда лето, они скрыты высокой травой, когда зима – большей частью под снегом, а весной и осенью – всегда на виду. Газон пролег полосой вдоль высокой кирпичной стены от окон Тамары Михайловны до трансформаторной будки. Таким образом, этот газон – собачий газон, как его тут все именуют – с трех сторон посетителям недоступен, а четвертой своей стороной он обращен к пространству двора – здесь чуть выше колена оградка. Перед ней и стоит Тамара Михайловна, пытаясь оградку понять: почему не дотянулась она до трансформаторной будки и для чего оставлен метровый зазор? Эстетически оградка Тамаре Михайловне не очень по вкусу, потому что напоминает кладбищенскую – вроде той, что этой весной установила Тамара Михайловна маме. Но оградка, безусловно, нужна, а зазор совершенно не нужен Тамаре Михайловне. Сэкономить ли решили на зазоре оградку, предусмотрен ли он для прохода смотрителей будки, каких-нибудь ее контролеров, монтеров, не важно – главное, он в реальности есть, и это плохо. Через оградку собаки не перелезают, но всегда к их услугам зазор, – лишь появятся они во дворе, сразу же, увлекая за собою хозяев, спешат к зазору, беспрепятственно проникают через него за оградку, отпускаемые на удлинняющемся поводке, и свободно овладевают всей площадью газона, а потом охотно гадят под окнами Тамары Михайловны.

Вся беда в этом зазоре.

Тамара Михайловна убеждена: была бы со стороны зазора воткнута табличка «Собак не водить», и никто бы за нее собак не стал запускать, это просто технически сложно,

поскольку табличка бы натурально перегородила вход для любой собаки крупнее таксы, но и кроме того – есть пределы цинизму, не так ли?

Сказать честно, Тамара Михайловна понимает двусмысленность расположения газона у себя под окнами: вроде двор, но уже и не совсем двор, а так, закуток. Есть же в этом дворе детская площадка и еще четыре вполне очевидных газона, с тополями и кустами даже сирени (двор большой), – туда не водят собак, а сюда в закуток – это милости просим.

А была бы табличка, и тогда бы собак мимо этого, уже не собачьего места повели в подворотню, на улицу (двор проходной) – им открылись бы там другие возможности.

Тамара Михайловна убеждена: проблему выгула легко разрешить. Вот вам, пожалуйста, позитивный пример – газон во дворе дома номер восемь. Площадью он уступает собачьему месту под окнами Тамары Михайловны, но это нисколько ему не мешает быть пунктом наличия сразу двух антивыгульных табличек.

Не удивительно, что жильцы дома восемь, кто имеет собак, их на выгул ведут под окна к Тамаре Михайловне. Что же тогда говорить о своих?

Тамара Михайловна не понимает, почему Управляющая Организация не установит в их дворе табличку. Всего-то и нужна лишь одна «Собак не водить» или типа того.

Она переходит улицу и отправляется, это близко, в офис территориально исполнительного органа жилищно-коммунального хозяйства, теперешнее название которого (когда-то, кажется, оно называлось ЖЭК) Тамара Михайловна не только не знает, но и не хочет знать, – зато ее знают здесь – по теме двух банальных протечек и по всё этой же теме собачьего места.

– Я к вам пятый раз уже прихожу, а вы так и не установили табличку. Я же там цветы весной сажаю, да и двор все-таки, люди гуляют. Сколько же мне к вам обращаться?

Бронзовым загаром обладает диспетчер. Еще у нее из уха тянется проводок, – разговаривая с Тамарой Михайловной, диспетчер из уха, что бы там ни было в ухе, этого не вынимает:

– Мы все помним, но и Москва не сразу строилась, а вы хотите.

– Причем тут Москва? Вон в доме восемь, там целых две таблички во дворе, а у нас ни одной. Неужели это такое сложное дело? Не взятку же мне вам предлагать?

– Вы забываетесь! Здесь так не шутят!

– Но ведь можно как-то ускорить?..

– Соберите подписи жильцов. Это поможет.

– Так может деньги собрать? Я бы и на свои купила. Я только не знаю, где их продают.

– Вы меня троллите.

– Что?

– Ничего. У нас карниз обвалился, а вы с табличкой. Это действительно потребность первой необходимости? Имейте совесть. Имейте терпение. А то, получается, вы нас имеете. Посмотрите, что в государстве творится. Как будто не в одной лодке сидим.

Усвоенная, Тамара Михайловна выходит из офиса территориального исполнительного органа жилищно-коммунального хозяйства и замечает у входа, что, входя, не заметила: сигнальную ленту, огораживающую, стало быть, область падения карниза. Не глядя наверх, быстро-быстро идет, чтобы скорее свернуть за угол.

Все легковые для Тамары Михайловны – «иномарки». Почему же она должна разбираться в экзотических видах искусства? Нательная живопись это боди-арт (о нем Тамара Михайловна читала большую статью в гостях у племянницы), а как называется то же на автомобиле, она не знает. С этим самым, с русалкой на кузове – большегрудой и длинноволосой, – он и окатил их грязью на перекрестке. Тамара Михайловна еще успела отпрянуть назад, а женщине рядом не повезло. Слова, которые ныне запрещены законом к употреблению в средствах массовой информации, никогда не радовали слух Тамары Михайловны. –

Зачем же так грубо? – обратилась она к женщине, отряхивающей пальто. – Сказали бы просто: козёл! – Она эту машину часто встречает – вероятно, водитель рядом живет...

Рыба, молоко, хлеб... – повторяет Тамара Михайловна, что купить собралась.

Обычно треска – тушки, а тут филе. Взяла сразу три. С костями размораживать надо, а тут кинула в воду... Он и с костями будет рад, слопает за обе щеки, только Тамара Михайловна без костей любит.

Встала в кассу и захотела прочитать, что на этикетке написано, вынимает из корзины, а оно неожиданно скользкое раз – и на пол. Уже рот открыла «Да ну что вы!» крикнуть наклоняющемуся впереди, смотрит, а это Борис Юрьевич.

– Борис Юрьевич, какими судьбами?

– Тамара Михайловна, что вы тут делаете?

– Песни пою. Что еще делают в магазинах?

– А! Так вы рядом живете... Рад вас видеть, честное слово. А я проездом – случайно...

– Глазам не верю: баночное пиво? Вы ли это? Мировоззренческий переворот?

– У тещи ремонт. Строительный мусор вывозят. Купил ребятам в конце рабочего дня.

А как вы поживаете?

– Спасибо, вполне. Ну а вы-то как без меня?

Борис Юрьевич отворачивается и гасит кашель кулаком, а потом добавляет сиплым голосом:

– Мы без вас... как-то так... Но помним.

– Еще бы, – говорит Тамара Михайловна.

На это Борис Юрьевич отвечает:

– Выращиваем, выращиваем потихонечку. Озаботились ферментами. Вот разводим аспергиллус ваш любимый...

– Для этого большого ума не надо, – отвечает Тамара Михайловна.

– Есть нюансики кое-какие, – загадочно говорит Борис Юрьевич. – Очередной термостат до утра заряжен.

– Знаем мы ваши термостаты... Вы там глядите, поосторожней, с грибками-то плесневыми. А то кашляете нехорошо.

– Это сезонное. Осень, – вяло отвечает Борис Юрьевич, выставляя банки с пивом на ленту транспортера. – Мы теперь на ржаной барде экспериментируем, и результаты весьма любопытные... И не только по части осахаривания.

– Грубый фильтрат? Декантант?

– Во-во. По фракциям.

Тамара Михайловна тоже выставляет продукты на транспортер.

– А как с космосом?

– А что с космосом?

– Вы в программу хотели вписаться.

– Мечты, мечты, – грустно улыбается Борис Юрьевич. – На любимую мозоль наступаете. Некому нас продвигать, Тамара Михайловна. Терминология опять же. Напишешь в заявке «фильтрат картофельной барды», и всё, прощай, космос... Вашего кота Кузя зовут?

– Лёпа.

– Он кастрированный?

– Почему вы спрашиваете, Борис Юрьевич?

– Жена кота привела. Я думал, у вас не кастрированный, посоветоваться хотел. И паке-тик, пожалуйста, – обращается он к кассирше.

– Нет, Лёпа кастрированный. А в чем сомнения?

– Да так. – Борис Юрьевич опускает банки в пакет. – Частного порядка сомнения. Мужская солидарность во мне просыпается.

Удаляется к столику у окна и ждет Тамару Михайловну.

Заплатив за рыбу, молоко и хлеб, Тамара Михайловна подходит к столику и приступает к рациональному распределению покупок по двум полиэтиленовым пакетам, принесенным из дома.

– Борис Юрьевич, – говорит Тамара Михайловна, опустив чек в пакет с рыбой. – А мне ведь иногда дрожжи снятся. Во всей их необычной красоте и разнообразии. Когда работала, никогда не снились, а сейчас... вот.

– Без людей?

– В микроскопическом масштабе. На клеточном уровне. Какие уж тут люди!

– Я вас понимаю, Тамара Михайловна. Я очень сожалею, что с вами так обошлись. Правда. Вы не поверите, но лично я – очень.

– Кстати, – вспомнила Тамара Михайловна, – я тут своего Бенджамина подкармливать стала...

– Кто такой?

– Фикус. Раньше на бездрожжевой диете был. Но нет. Ничего.

А когда вышли из магазина, Борис Юрьевич говорит:

– Хорошо, что встретил вас. Не всё у нас получается. Есть кой-какие штаммы, вполне перспективные. А мозгов не хватает. Не согласитесь ли, Тамара Михайловна, дать нам консультацию, если мы вас пригласим в официальном порядке – через дирекцию, а?

У Тамары Михайловны перехватывает дыхание на секунду, ей бы сейчас и произнести один из тех монологов, которые она много раз в уме проговаривала ночами, но вместо того она говорит, почти весело:

– Почему же, – говорит, – не соглашусь? Возьму и соглашусь.

– Отлично. Будем на связи. Вас подвезти?

– Что вы, я рядом.

Идет по улице с двумя полиэтиленовыми пакетами и чувствует, как ей все лучше и лучше становится. Вот уже почти хорошо стало. Мысль об утраченной работе еще недавно была горька Тамаре Михайловне, только теперь, когда ее нужность-востребованность устами Бориса Юрьевича так четко артикулировалась, пресловутому «осадку» нет больше места в душе. А еще ей нравится осознавать себя незлопамятной.

Продуктовая ноша имеет свой вес, но Тамара Михайловна не идет кратчайшим путем, а сворачивает к дому восемь, чтобы пройти через проходной двор и получше, потщательнее, пока не стемнело, ознакомиться с опытом установки табличек.

Двор ничуть не больше, чем двор Тамары Михайловны, а газон посреди двора мало того что меньше, чем у нее под окнами, он еще и единственный. Между тем табличек две, по обеим сторонам опять же единственного дерева, и обе обращены в одну сторону.

На газоне буро-желтые листья лежат, ходит по ним ворона, и не замечает Тамара Михайловна, сколько ни глядит на газон, никаких экскрементов.

Вот это порядок.

Подошла поближе к одной из табличек и глядит на нее, какая она.

Табличка на колышке – кажется, пластиковая, но, возможно, это оцинкованный металл (Тамара Михайловна не хочет перешагивать через оградку). Черными буквами на желтом фоне – лапидарно и ёмко:

Выгул
собак
запрещен!

Единственное, что не нравится Тамаре Михайловне, – восклицательный знак. Можно было бы обойтись без него. Табличка должна сообщать или, лучше, напоминать о необходимости поступиться свободой ради порядка, но никак не приказывать. На вкус Тамары Михайловны лучшая надпись: «Выгул собак неуместен», – во-первых, здесь удачно обыгрывалось бы слово «место», а во-вторых, любой бы здравомыслящий человек, оценив корректность интонации, воспринял содержание не как приказ, а как обращение к его совести. Тамара Михайловна против любых форм давления.

Направляясь к дому, она думает о силе слов убеждения, притом вполне отдает себе отчет в собственном прекраснодушии. Был бы мир таким, каким она его готова вообразить, не было бы и проблемы с хозяевами собак. Все-таки таблички изготавливают профессионалы, а они лучше знают, что надо писать, к кому и как обращаться.

Тамара Михайловна ценит во всем профессиональный подход.

При подъеме по лестнице ощущает, как всегда, тяжесть в ногах, а тут звонит телефон, ввергая в легкую панику. Тамаре Михайловне в конечном итоге удастся им овладеть, но пакет с рыбой все же упал на ступеньку.

– Алло!

– Тамара Михайловна, вы правы (это Лика звонит), вас больше не будут вставлять. Я говорила с начальством. Будете только там, где действительно будете принимать участие. Это мы вам обещаем.

– Да не надо мне ничего обещать. Я больше нигде не буду.

– А мы хотим вас как раз пригласить...

– Куда еще? Мы же договорились, кажется.

– Очень интересная передача будет. Как раз на вас.

– Нет, без меня. Мне некогда.

– Тот случай, когда без вас не получится.

– Не говорите глупости, Лика. Как это без меня не получится?

– Тамара Михайловна, все будет по-другому, нам очень интересно именно ваше мнение. С вами хочет переговорить сценарист. И лично Нехорошев просил передать, что он очень на вас рассчитывает...

– Стоп. Откуда меня знает Нехорошев? Ему до меня дела нет.

– Неправда. Я с ним о вас разговаривала. Вы его очень интересуете.

– Лика, я на лестнице стою. Можно потом?

– Конечно, обязательно, Тамара Михайловна.

Тамара Михайловна входит в квартиру.

Всем хорош, один недостаток – неблагодарный. Когда хочет есть – подлизал подлизой, а налопается и даже не поглядит на тебя.

Но если пузо ему чесать, он будет доволен. А так нет – будто нет тебя, будто не существуешь.

– Ну, скажи, что я не права. Даже очень права! Стыдно? Куда пошел?

Но Лёпа на сытый желудок общаться не любит, оставляет хозяйку одну на кухне.

Тамара Михайловна размещает на сушилке с поддоном только что вымытую посуду – тарелку, чашку, блюдце, вилку, ложку и нож. Каждому предмету свое место. А Лёпину миску моет отдельно – место ее у стиральной машины. Теперь Тамара Михайловна готова заняться холодильником, именно морозильной камерой. Морозилка у Тамары Михайловны забита мятой газетой – холодильнику это надо для экономии его энергии. Если в морозилке лежат продукты, они, замерзнув, долго держат холод, значит, когда после отключения холодильник снова включается, ему требуется меньше энергии дозаморозить то, что уже отморозилось.

А если в морозилке пусто, он и будет работать на воздух – чаще включаться и выключаться. Поэтому, чтобы морозилка не была пустой, умные люди ее набивают мятой газетой. Газета замерзает и держит мороз. Тут все дело, по-видимому, во взаимосвязи массы продуктов и их теплоемкости. Тамара Михайловна специалист в иной области. Может, она и не все понимает в этой физике заморозок, но с практической точки зрения она совершенно права в том, что набивает морозилку газетами.

Она решила их заменить. Просто у нее накопились газеты. С практической точки зрения менять уже замороженные газеты на свежие, в смысле теплые, пользы для холодильника нет никакой, и Тамара Михайловна это сама понимает. Но почему бы и нет? Просто ей захотелось небольшой перемены. Ведь надо что-то с холодильником делать.

Вечер проходит в заботах по дому.

Телевизор у нее работает в комнате, а про телевизионщиков она совершенно забыла. А тут звонок. (В этот момент Тамара Михайловна подгибает занавески снизу, они по полу волочатся, а он дергает их.) Оставив иголку в занавеске, берет мобильник.

– Здравствуйте, Тамара Михайловна, меня Марина зовут, мне Лика дала ваш телефон, я работаю у Леонида Нехорошева над сценарием. Вы можете говорить?

– В принципе, да, – неуверенно произносит Тамара Михайловна, вспоминая, на чем они с Ликой расстались (разве она не сказала ей «нет»?).

– Мы бы могли встретиться, где вам удобно, или вы хотите по телефону?

– Да я, собственно, ничего не хочу, это вам что-то надо.

– Тамара Михайловна, вам будет предоставлено место на диване у Нехорошева, и мы ждем от вас прямых высказываний по теме передачи. Вы будете одним из главных гостей. Что нас интересует?.. Ваш взгляд. Как вы сами, вот именно вы, вы – лично, Тамара Михайловна, относитесь к этому. Можно ли об этом сказать «судьба», стечение ли это жизненных обстоятельств, или это исключительно сознательный выбор? Вот что-нибудь в таком плане. Да? Нам хочется, чтобы вы активно участвовали в дискуссии.

– Простите, я не совсем понимаю. О чем передача?

– А вам разве Лика не сказала? Передача называется «Плохо ли быть старой девой?». Ну, название, вы сами понимаете, провокативное... Мы очень рассчитываем на вашу помощь.

Тамара Михайловна ничего не нашла ответить, кроме как произнести что-то короткое, не передаваемое на письме.

– Судя по вашей внешности, – продолжает Марина, – при всем ее своеобразии, вы же в молодости были привлекательной женщиной, с шармом, я правильно говорю? Наверняка за вами кто-нибудь приударял. Может быть, вы сами в кого-нибудь влюблялись. Нет? Ни в кого не влюблялись? Вот есть определенная часть женщин данной категории, которая в силу завышенной самооценки в молодые годы отвергает мужчин как недостойных, ждут принца и все такое, а потом получают то, что получают, я имею в виду тех, кто ничего не получает. Вы относитесь к этим женщинам? Или вы все же другая? И в целом, как вы к этим женщинам относитесь, хотелось бы нам узнать. Как вы вообще к этой проблеме относитесь...

– Вы меня не знаете... – глухо отзывается Тамара Михайловна.

– Конечно, не знаю. Поэтому и задаю вопросы. Нам нужен взгляд изнутри феномена, понимаете? И еще хотелось бы узнать... но это уже деликатный вопрос... как...

Тамара Михайловна прерывает связь. Более того – торопливо отключает мобильник. О, как хочется выкинуть его сейчас же в окно! – только Тамара Михайловна себя в руках умеет держать и поэтому бросает мобильник на кресло, а сверху подушку кладет. И отходит прочь от кресла. К дверям. И в дверь – в прихожую. И на кухню.

Машка, дура, про нее рассказала, это она, она. Предательница. Позвонить племяннице – но тут же решает не звонить: сама мысль о телефоне ей отвратительна.

Тамара Михайловна стоит у холодильника, и ей кажется, что кухонная утварь за ней соглядатайствует, а всего бесстыднее чайник с плиты – обратив в ее сторону носик.

Тамара Михайловна выключает свет.

И сразу о себе напоминает будильник – хриплым, словно он наглотался пыли, не тик-так, а тик-тиком, тик-тиком.

Чем-нибудь заняться надо – определенно решительным.

Свет от окна падает на буфет.

Внезапно Тамара Михайловна догадывается, что сейчас за окном, и, стремительно подойдя к окну, видит, конечно, на газоне собаку. Светильник на кирпичной стене освещает неравномерно газон, собака предпочла самое светлое место. Это доберман из дома восемь, Тамара Михайловна знает. На нем стеганая курточка. Расставив задние лапы и вытянув шею, он устремляет свой взгляд прямо на Тамару Михайловну. Поводок от собаки ведет к женщине в длинном пальто. Не уберет, думает Тамара Михайловна.

Ошибки не будет: бросив окурочку на газон, хозяйка уводит собаку.

– Так нельзя жить, Лёпа. Надо что-то делать. Так нельзя.

Лёпа молчит, но Тамара Михайловна и без него знает, как ей быть. Свет зажигает в прихожей и достает из-под вешалки с инструментами ящик.

Там их три, инструмента, – двух названия ей не известны, а третий есть молоток.

Одевшись, Тамара Михайловна покидает квартиру с молотком и полиэтиленовым мешком для мусора.

Двор дома номер восемь в темное время суток освещается главным образом за счет света в окнах, то есть почти никак. Еще только начало двенадцатого, и автомобили, которыми тут все заставлено, отражают отблесками с кузовов едва ли не половину окон двора, а прямоугольный газон, однако же, зияет, как большая дыра, провал в пропасть, и никого нет во дворе, кроме Тамары Михайловны.

Это потому что нет скамеек, думает Тамара Михайловна, прислушиваясь. В одной из квартир заплакал ребенок, откуда-то донесся характерно кухонный звяк. Нет, не поэтому, – возражает сама себе Тамара Михайловна: у нее во дворе четыре скамейки, но алкоголики только летом сидят по ночам, а в октябре уже холодно, не посидишь.

Обычно после десяти она не выходит на улицу. А тут одна во дворе, в темноте...

Странно стоять ей одной во дворе, да еще и в чужом – стоять и прислушиваться. Понимает, что здесь бы жить не хотела. Всего одно дерево и гораздо больше машин, чем у нее, и нет окон на дальней стене, а что она есть, эта стена, этот брандмауэр, надо еще в темноте присмотреться. Всё-всё тут чужое. Всё-всё не свое.

Перешагнув оградку, она быстро подходит к той табличке, которую решила для себя считать второй, а не первой.

Ей даже не приходится поддевать молотком – потянула рукой за колышек и вытащила из земли. Опустила табличку вниз табличкой в пакет для мусора.

Никем не замеченная, быстро идет в подворотню – чужой двор уже за спиной.

Из черного пакета для мусора только колышек выглядывает, – Тамара Михайловна пересекла улицу, и вот она уже у себя во дворе.

Больше ее газон не будет собачьим. Бьет по колышку молотком раза четыре, пять от силы, не больше.

Колышек входит в землю прекрасно.

Тамара Михайловна довольна работой. Табличка не только табличка с нужными и убедительными словами – в этом ей не откажешь, но она еще и помимо слов перегородила зазор между оградкой и трансформаторной будкой: теперь и безграмотный, и иностранец, и полуслепой – никто на свете не сможет впустить собаку.

Тамаре Михайловне дома опять хорошо. Чайник повеселел и задирает носик приветливо.

Тамара Михайловна глядит в окно и видит табличку. Так бы всё и стояла, так бы всё и ждала, когда приведут.

Очень правильное решение. А вы все дураки.

Тамара Михайловна довольна поступком. Жалко только, никто уже не выводит, не приводит собак, а то бы она посмотрела. Не хочется отходить от окна. Решает полить своего Бенджамина. По графику надобно завтра (полив через день), но что-то земля как будто сухая. Опрыскала листья, увлажнила почву. Сказала: «Пей, пей!»

Маша поздно ложится, – захотелось ей рассказать, но, вспомнив про старую деву, передумывает звонить племяннице. Лучше Лёпе расскажет.

Вспомнила, как доктор Стругач однажды ей говорила, что среди своих пациентов она их вычисляет мгновенно – по умному живому взгляду, по рациональности высказываний и трезвому отношению к себе. Даже в старости их тела крепче и моложе, чем у тех, кто рожал и отдавал себя мужу.

Постановила наградить себя маленькой рюмочкой кагора. У нее в буфете уже полгода открытый кагор стоит, и ведь пробует иногда, а он так и не убывает.

На стеллажах у Тамары Михайловны содержатся книги. Сочинений собрания (Пушкин, Флобер, Конан Дойл, Эренбург, Двоеглазов...) и просто литература, а также много книг по работе (по бывшей) – по микробиологии в целом, и в частности пищевых производств. Труды конференций. Книги про дрожжи. Книги про плесневые грибы. Что до грибов плесневых, они висят на стене – под стеклом: в рамочке снимок представителя одного из родов аспергилла (ударенье на и) – макрофото. Не картинка, а просто симфония. Невероятно красиво.

Это дар Тамаре Михайловне на ее юбилей от сослуживцев еще.

Тамара Михайловна когда смотрит на снимок, у нее отдыхают глаза.

Но сейчас она смотрит опять про коррупцию (очень много про это теперь), хотя и не о коррупции думает, а о чем-то неопределенно своем, о чем-то неизъяснимо личном.

Смотрит Тамара Михайловна, ест вкусненькое и ощущает внутри себя необычность. Сначала ей кажется, что все очень просто – просто все хорошо, хотя и не совсем обычно, а потом ей кажется, что все хорошо, но не просто, и необычность именно в этом. А теперь у нее ощущение, что прежние ощущения были обманчивые, и не так все хорошо, и даже нехорошо вовсе.

Вероятно, причина все-таки не в ней, а вовне все-таки – в телевизоре. Грустные вещи, тяжелые вещи, а главное – непонятные вещи сообщает ей телевизор. Можно ли ощущать «хорошо», когда на экране говорят о предметах и действиях непостижимых?

Украсть полтора миллиарда.

Документальный фильм о нечестных чиновниках, умыкнувших из бюджета полтора миллиарда. Что-то там про офшор. Что-то там про преступные схемы хищений.

Тамара Михайловна даже вникнуть боится в преступные схемы хищений, объяснить ей которые помышляют авторы фильма, – не хочет вникать, словно знание этих чудовищных схем что-то светлое внутри нее самой опоганит.

Но смотрит.

– Лёпа!.. Миллиард – это девять нулей!

Лёпе где уж понять.

– Не шесть ведь, а девять!

А когда переключилась на другое, на комедийное что-то, нехорошее что-то все равно остается где-то в груди, чуть ниже гортани, и мешает смешное смотреть. Тамара Михайловна дисгармонию эту объясняет себе послевкусием разоблачений.

И она занимает себя решением текущих задач здорового быта и сангигиены.

Вот она стоит после душа в махровом халате перед книжными полками (никогда и ни за что она не выбросит книги!) и, прислушиваясь к своим ощущениям, с тревогой догадывается, что муторность эта соприродна ее существу, ее персональности, но никак не обстоятельствам внешнего мира.

Этому верить не очень приятно. На глаза попадают белые корешки Маршака. Нет последнего, четвертого тома. Четвертый том лет тридцать назад у нее кто-то взял и не вернул, а ведь там переводы с английского, Роберт Бернс и Шекспира сонеты. Она даже знает, кто взял. Незлопамятная, а ведь помнит об этом. И хотела б забыть, а ведь помнит. И ведь книги теперь никому не нужны, а все помнит, не может забыть. Так что вот. А вы говорите, полтора миллиарда.

– Лёпа, как так люди живут!

Наведенное настроение пришло в соответствие с исходной муторностью, и Тамара Михайловна ощутила, что найдено муторности оправдание.

И как будто не так уже стало тревожно.

Потому что понятно ей стало, что это такое: это вроде стыда – за других, за тех, кто чужое берет (хорошо ей знакомое чувство).

Под одеялом на правом боку Тамара Михайловна все о том же думает. Пытается представить полтора миллиарда чем-нибудь зримым и осязаемым. Вспоминает передачу, в которой ее сегодня днем показали – «Так ли плохо воровать?» Дурацкий вопрос. Разве можно ли так спрашивать? Потому и воруют. Потому и воруют, что никто не спрашивает как надо. Если спрашивают, то не то и не так. А вам бы только названия провокативные изобретать... Лишь бы с вывертом да не по-человечески... Чему же теперь удивляться? Тамара Михайловна одному удивляется: когда маленькими были те вороватые чиновники, мама разве им не говорила, что нельзя брать чужое? Тамара Михайловна, засыпая, вспоминает маму и себя маленькую. Она хочет вспомнить, как мама ей говорила, что нельзя брать чужое, но вспоминается, как в лодке плывут и собирают кувшинки. Никогда, никогда в жизни не брала чужого. И тут вдруг щёлк:

– Брала!

Тамара Михайловна глаза открыла. Почувствовала, как похолодела спина. Как стали ноги неметь. Испугалась даже.

Тут же мобилизовался внутренний адвокат: брось, Томка, ты это чего? – это же совсем другой случай.

Да как же другой, когда именно тот?

И никакой не «именно тот». Все ты правильно сделала. Ведь должно все по справедливости быть. А разве справедливо, что к ним никто не ходит во двор, а все собаки исключительно к нам?

Но, простите, так ведь нельзя. Это же последнее дело – за счет других свои проблемы решать. Разве так поступают интеллигентные люди?

И совсем не «за счет». Им от этого хуже не стало. У них целых две было таблички, на одном практически месте. Просто, Томочка, ты устранила нелепость.

Отговорочки. Нет!

Одеяло роняя на пол, села на край кровати, а в висках у нее кровью стучит:

– Нет! Нет! Нет!

И понимает она, что муторность, которой хотела найти мотивацию, только тем и мотивована, что это ее личная муторность. И что стыд, он не за других у нее, а за себя саму.

Хотя бы раз в жизни взяла бы она чужое что-нибудь – какой-нибудь карандаш, какую-нибудь стирательную резинку, – тогда бы и это присвоение можно было проще перенести. Но Тамара Михайловна даже совочка в песочнице без спросу не брала ни разу, не было такого! И вдруг!.. Это же морок на нее нашел какой-то...

Надев кофту на ночную рубашку, Тамара Михайловна идет на кухню пить валерьянку. Зябко. Нехорошо.

Внутренний адвокат еще пытается вякать. В том духе, что не сами же две таблички себе установили парочкой, это просто ошибка каких-то высших распорядительных инстанций, а Тамара Михайловна ошибку исправила, и не переживать ей надо сейчас, но гордиться собой. Только:

– Нет! Нет! Нет! – стучит кровью в висках.

Маша поздно ложится – надо ей позвонить.

– Машенька, как у тебя, все ли у тебя хорошо?

– Тетя Тома, что-то случилось?

– Ничего не случилось. Просто ты не звонишь, и я беспокоюсь.

– В три часа ночи?

– Как в три? Не может быть, три... Двенадцать!

– Тетя Тома, у тебя что с голосом?

– Действительно три. Извини. Что-то нашло на меня... Да, кстати. Зачем ты им сказала, что я старая дева? Кому какое дело, у кого какая частная жизнь? Что это за манера вмешиваться в чужие дела?..

– Подожди, я выйду в коридор...

– Ты не дома?

– Почему я не дома?

– Ты никогда не называешь прихожую коридором.

– Я дома. И я ничего плохого о тебе не сказала. Им нужен был определенный типаж. Образованная женщина, владеющая языком. Они этим и заинтересовались, что ты микробиолог, специалист по дрожжам, а уже только потом, что ты... как ты говоришь, старая дева. Ну, да. А что? Мы все разные. И это нормально.

– Ты меня подставила, Маша.

– Тетя Тома, извини, если так. Мне всегда казалось, что ты сама над этим посмеивалась. И потом что в этом такого? Посмотри на гомосексуалистов, они сейчас каминаут объявляют один за другим. Ты знаешь, что такое каминаут?

– Маша, ты куришь.

– Не курю.

– Мне показалось, ты щелкнула зажигалкой.

– А если бы и курила, то что?

– Это ужасно. Она со мной разговаривала возмутительным тоном.

– Лика?

– Нет... как ее... Марина. Сценарист.

– Ну так и послала бы на три буквы.

– Я так и сделала.

– Молодец.

– Семнадцатого октября был день памяти твоей мамы. Ты ведь забыла.

– Я не забыла. Я ее помянула. Одна.

– А почему мне не позвонила?

– А почему *ты* мне не позвонила? Она тебе сестра, точно так же, как мне мама.

– Не вижу логики. Ну, ладно. Но на кладбище ты не была.

– Откуда знаешь?

– Знаю. Я и на бабушкину могилку сходила. Ты, наверное, забыла, где бабушкина могила?

– И поэтому ты мне звонишь в три часа ночи?

– Подожди... Один вопрос... Послушай, Машенька, я тут хотела спросить... скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь брала чужое?..

– Тетя Тома, ты пьяная?

– Нет, я знаю, что нет, но хотя бы мысль появлялась... взять... ну и взять?

– В смысле украсть?

– Ну, грубо говоря, да. Хотя я знаю, что ты – нет.

– Да почему же нет? Я вот однажды черные очки ukrала. Дешевые, правда, копеечные, но ukrала.

– Врешь.

– На рынке. Там у торговца сотни очков висели, подделки всякие. Мне и не нужны были. Просто так ukrала. Потом выбросила.

– Ты хочешь сказать, что ты kleптоманка?

– Нет. Просто ukrала.

– Не верю. Не верю, Маша.

– А у тебя в детстве мелочь из кармана таскала.

– Зачем ты на себя наговариваешь? Это ж неправда!

– А почему неправда? Все дети мелочь у взрослых таскают.

– Неправда! Никто не таскает. Только те таскают, кто потом миллиарды таскает, из таких и получают потом... а нормальные дети не будут таскать!.. И ты не таскала!

– В классе четвертом... в пятом... Было дело – таскала.

– Да ты девочка с бантом была! Ты в четвертом классе Блока наизусть читала! Думаешь, я совсем из ума вышла?

– Тетя Тома, ты спросила – я ответила.

– Ладно. Спи. Спокойной ночи.

Ну что за дрянная девчонка! Решила над теткой поиздеваться... Тамара Михайловна прекрасно помнит, какие акварели рисовала Машенька в четвертом классе, выставляли на выставке в школе и даже отправляли в другой город на выставку. И это она, тетя Тома, заставила сестру перевести дочку в школу с испанским. А теперь будет Машенька ей говорить, что воришкой была!

Тамара Михайловна садится за семейный альбом. Вот сестрица в ситцевом платье и как Машка сегодня. Одно лицо, фигура одна – это за год до замужества ее, за три года до Машкиного рожденья. А вот маленькая Томочка вместе со своей сестренкой в лодке сидит, обе в панамках – мама на веслах, и собирают кувшинки. Отец с берега снимал на пленочный аппарат «Зоркий».

Тамара Михайловна вспомнила за собой грех. Как все-таки однажды взяла чужое. У дедушки в круглой коробке лежали пять селекционных фасолин, привезенных с другого конца света, – он ужасно дорожил ими и называл каким-то научным словом. Однажды она с сестрицей, маленькие были, утащили из коробочки по одной фасолине. И решили в саду за сараем эти фасолины съесть. Но фасолины были жесткие и невкусные, и пришлось их выплюнуть прямо в крапиву.

А потом с грехом пополам (один на двоих) старались послушными быть, обе ждали, когда их накажут. Но все обошлось. Почему-то.

Тамара Михайловна потому и забыла об этом, что обошлось – почему-то. А теперь вспомнила.

Вспомнила, что ее не ругали. Ее вообще редко ругали.

Окно приоткрыла – что-то трудно дышать.

По крыше трансформаторной будки голуби ходят. Светает.

Получается, ночью был дождь, потому что мокрый асфальт, но Тамара Михайловна это событие пропустила. И земля на газонах, и листья, и воздух – все сырое, но ей не сыро – свежо. Кожей лица ощущается свежесть. И дышится, как только утром и может дышаться.

Во двор дома восемь она вошла, не таясь. В левой руке держит табличку: «Выгул собак запрещен!» С каждым шагом ей лучше, свободней.

Широкий брендмауэр убедительно целостен, труба котельной убедительно высока. Дерево как веник большой, поставленный вверх потрепанным помелом: листья опали – убедительна осень. Много машин во дворе, в одной у газона греют мотор, но не волнует Тамару Михайловну людское присутствие. Чем ближе газон, тем свободнее шаг, тем чище и чаще дыхание.

На мокрые листья, перешагнув оградку, ступает Тамара Михайловна и скоро находит исходное место – вставляет табличку туда, где табличка была. С первым же – и единственным – ударом молотка ее молнией пронзает почти что восторг – острое ощущение счастья: свободна, свободна!

– Эй! Вы чего делаете?.. Я вам!..

Тамара Михайловна оборачивается: метр с кепкой, с усами. Лицо неприветливое. Он нарочно вылез из заведенной машины, чтобы это сказать.

– Здесь уже есть одна! Глаза протрите. Не видите?

– Не надо нервничать, – говорит ему, как можно спокойнее, Тамара Михайловна. – Эта табличка отсюда.

– Откуда отсюда? Вон же – рядом. Сколько надо еще?

– Вы, наверное, живете не в этом дворе. Иначе бы вы знали, что еще вчера здесь было две таблички.

– Да я тут десять лет живу! Всегда одна была!

– Вы лжете!

– Я лгу? Вы что – идиотка? Зачем вы вбиваете сюда вторую табличку? Перестаньте придуриваться! И одной много!

– Кто вам дал право разговаривать со мной таким тоном? Вы думаете, я не умею за себя постоять? Эта табличка не вам принадлежит, а двору в целом! И не нам с вами решать, сколько должно здесь быть табличек!..

И – чтобы знал – твердо ему:

– Две! И только две! Таков здешний порядок!

Метр с кепкой взревел:

– Нет, я так не могу! У меня уже сил моих нет! Достали!..

И подбегает к табличке.

– Только попробуй выдернуть!.. Не ты ее воткнул, и не тебе выдергивать!

Послушался – отступил на два шага, уставился на Тамару Михайловну. А Тамара Михайловна торжествующе произносит громкое, непререкаемое, победное:

– Вот!

И поворачивается спиной к субъекту, чтобы приступить к уверенному уходу, но перед глазами ее образуется с большими персями длинноволосая русалка, без вкуса и меры нанесенная на кузов иномарки. Тамара Михайловна замирает на месте, узнавая машину. Так вот это кто! Будто грязью опять обдало. Обернулась – бросить в лицо ему, врагу пешеходов, приверженцу гонок по лужам, как презирает его за его же презрение к людям, – обернулась, а этот уже не здесь. А этот подлец – видит она – к помойке шагает – с противособачьей табличкой в руке.

– Стоять! Не сметь!

Но табличка летит в мусорный бак.

– Ах ты кобель! – кричит Тамара Михайловна и что было силы бьет молотком (у нее же в правой руке молоток) по фаре автомобиля.

Ярость ее и вид летящих осколков стекла сейчас для нее неразличимы, словно осколки летят в ее голове, и в эту бесконечную долю секунды она успевает и ужаснуться, и изумиться, и восхититься собой.

Мат-перемат. У, как она этого не любит!.. Он бежит, размахивая кулаками, – Тамара Михайловна обращается к нему лицом, и пусть он не таращит глаза – она его не боится.

Она даже не бьет молотком, она просто тыркает молотком вперед, а он сам ударяет кулаком по молотку и, взвизгнув, отпрыгивает. Не ожидал.

Тамара Михайловна крепко держит в руке молоток – у нее не выбьешь из руки молоток. А этот сейчас особо опасен – у него от злобы понижен болевой порог. Вот он разжал кулаки и растопырил пальцы – в надежде, может быть, придушить Тамару Михайловну или хотя бы обезоружить. Только она сама наступает. Он не настолько ловок, чтобы, когда она промахивается, схватить ее руку, и получает, попятившись, в свой черед по запястью. И тогда он обращается в бегство, но в странное бегство. Он оббегает сзади машину, и, открыв с той стороны переднюю дверцу, прячется от Тамары Михайловны у себя в салоне – ему словно не руку ушибло, а отшибло мозги. А Тамара Михайловна бьет и бьет молотком по капоту.

А потом по русалке – получай по русалке, кобель!.. А потом опять по капоту!

Сейчас что есть мочи – таков замах – ударит по лобовому стеклу, – и, подняв руку, она видит гримасу ужаса на лице ушибленного врага и бьет, но промахивается: молоток скользит по крыше автомобиля, рука, следуя за ним, разворачивает Тамару Михайловну лицом к подворотне, и Тамара Михайловна, оставив все как есть, бесповоротно уходит.

Кровь стучит в висках:

– Да. Да. Да.

Тамара Михайловна – сама не своя. Своя – только когда сознание отрывает от реальности клоки. Как переходит улицу отчетливо на красный свет, как минует бомжа с бородой, и еще запомнится зонтик, резко уступивший дорогу. Сильно дрожащий, не способный попасть, ригельный ключ. Лёпа глядит на нее непомерно огромными глазами.

Покачиваясь, Тамара Михайловна сидит на краю кровати и прижимает к сердцу зеленого цыпленка, с которым когда-то играла Машенька. Дождь стучит по карнизу. Кричит дворник на чужом языке.

Невероятная усталость накатывает на нее волной. Она падает на бок и сразу же засыпает.

Ей снятся дрожжи. Много, много дрожжей.

Без воротника

– Браво! Браво! – кричат из публики.

Елена Владимировна очень довольна собой: она дочитала стихотворение до конца – по памяти, без единой запинки – не забыв ни одной строки. А стихотворение большое и сложное – про весну, цветы и любовь.

Аkkордеонист вопросительно глядит на директора дома – Бориса Борисовича: не пора ли вспомнить о музыке? Борис Борисович стоит у дверей под полинявшим от солнечного света *«Пожилым везде у нас почет»* и показательно аплодирует вместе со всеми.

Публика не хочет отпускать Елену Владимировну.

– Еленочка, расскажите нам, как у вас с Константином Петровичем было! – просят из зала.

– Елена Владимировна, про рубашку, пожалуйста!

– Про кофточку!

– Да нет же, это рубашка была! Правда рубашка, Елена Владимировна?

– Про то, как с Константином Петровичем, про это.

Елена Владимировна чуть-чуть кокетливо говорит в микрофон:

– Да ну вас! Вы все уже знаете!

На губах у нее яркая помада, на ней бежевое платье с блесками, бирюзовый кулон на широкой ленте.

– Еще расскажи, Леночка! И пусть Константин Петрович тоже рассказывает!

– Сколько можно! Всем надоело уже, – говорит Елена Владимировна, однако не торопится отходить от микрофона.

– Не надоело! – кричат. – Неправда!

– А ты не нам рассказывай! Ты ему – музыканту! Он не слышал еще!

Елена Владимировна глядит на аккордеониста такими глазами, словно его до сих пор на сцене не видела:

– Да он молодой, ему не интересно.

– Ему как раз интересно!

– А вот Борис Борисович, может, не разрешит...

– Разрешит, разрешит!

– Борис Борисович, вы разрешаете?

Борис Борисович ничего не отвечает, но всем своим видом показывает, что это все его не касается.

– Как вас зовут, молодой человек? – спрашивает Елена Владимировна аккордеониста.

– Алексей.

– Простите, как?

– Алексей! Алексей! – кричат из зала.

– Алексей, посмотрите, – говорит Елена Владимировна, – видите того мужчину... седого? Вон, у окна. Это Константин Петрович – моя первая любовь. Ну, может, не совсем первая, я и в третьем классе влюблялась, но первая – по-настоящему.

Оказавшись в центре внимания, Константин Петрович, поощряемый аплодисментами, поднимается с места.

У него дрожит подбородок, но это не мешает ему широко улыбаться.

– Она тогда не говорила... – голос у него сиплый, – что по-настоящему...

– Говорила, говорила, он просто забыл, – весело произносит в микрофон Елена Владимировна. – Увы, Алексей, тогда у нас ничего с Константином Петровичем не получилось. И мы расстались почти на шестьдесят лет.

– Они снова только здесь встретились, – обращается к Алексею полная дама в кресле-каталке.

– Сядь, Костя, сядь, – просит Елена Владимировна. – Я сама расскажу. Был сорок восьмой год...

– Сорок девятый, – отзывается с места Константин Петрович.

– Был сорок восьмой год, мне в сорок восьмом исполнилось восемнадцать.

– Сорок девятый...

– Не сбивайте ее, Константин Петрович! Какая разница сорок восьмой или сорок девятый?

– Как это «какая разница»? – протестует Елена Владимировна. – Мне восемнадцать лет исполнилось, я-то лучше, наверное, знаю.... Костя меня старше на год был...

– Почему был? Он и сейчас...

– Ну, сейчас уже не считается... А тогда он мне цветы дарил. Помнишь, Костя, мы на речку ходили? Алексей, вы даже представить не можете, какой Константин Петрович красавец был.

– Да он и сейчас красавец, – кричат из зала.

– Стеснительный только был, – уточняет Елена Владимировна.

– Да он и сейчас стеснительный.

– Ну, теперь уже не так. У него и внуки красивые. Взрослые и красивые. И все у него хорошо. А я ведь тоже красавица была. Правда, Константин Петрович?

– Да вы и сейчас! – кричат из публики Елене Владимировне.

– У меня поклонников хоть отбавляй было! – гордо заявляет Елена Владимировна. – Я дочь архитектора. На меня родители не жалели ни денег, ни сил, ни времени. И друзья у меня были... интеллигентные. В университете учились... Юра Невельский, Паша Марчук... А Константин был из простой семьи. Но мое сердце принадлежало ему... А какие он мне письма писал, если б вы только знали!.. И вот, Алексей, пригласила я его на свой день рождения, на восемнадцатилетие. А я ведь не знала, что он такой чокнутый. В общем, он устроил драку и убежал. И мы с ним шестьдесят лет больше не виделись...

– Нет, нет, – закричали из зала. – Так не годится! С подробностями!

– А какие подробности? Время, Алексей, было тяжелое. Недавно война кончилась. Пусть Константин Петрович сам расскажет. Константин, встань, пожалуйста.

Константин Петрович снова поднимается, широко улыбаясь. Алексей видит, что дрожат у Константина Петровича еще и руки. Константин Петрович смотрит куда-то в сторону, а с места ему подсказывают:

– Про рубашку, Константин Петрович!

Константин Петрович начинает:

– Пиджак...

– Да нет, про рубашку!..

– Пиджак мне сосед одолжил, а рубашки не было у меня, чтобы в гости пойти... Та, что была, в ней нельзя было, слишком плохая... Сестра моя Зина мне это... свою дала. У нее была такая... довоенная, старая... на меня кое-как влезла... но только спереди вся молю съеденная... а сзади на спине даже вполне...

– Без воротника, – комментирует кто-то из публики.

– Не совсем без воротника – со стоечкой! – поправляет Елена Владимировна.

– Зина и посоветовала: надень ее задом наперед под пиджак, будет это... – он забыл слово.

– Элегантно! – объявляет в микрофон Елена Владимировна.

Константин Петрович согласен.

Елена Владимировна подбадривает его:

– Я еще тогда подумала, такой пришел элегантный!.. Рубашка со стоечкой, надо же... Константин Петрович рассеянно молчит, глядя теперь в окно.

Мадам в кресле-каталке не дает потухнуть рассказу:

– А дальше, Алексей, было вот что. Было жарко очень. Молодые люди поскидывали пиджаки и остались в рубашках. Только молодой Константин Петрович не снимал пиджак...

– Боже, он мне подарил такие цветы! – перебивает Елена Владимировна.

– Розы, – вспоминает Константин Петрович.

– Никакие не розы! Георгины! Такой букет! Вы не видели таких букетов!

– Ну так вот, – продолжает дама в кресле-каталке, – все сняли пиджаки и стали Константина Петровича уговаривать: снимите пиджак, Костя, вы же вспотели уже. А он ни в какую! И тогда стали дурачиться, я верно рассказываю? Елена Владимировна говорит: снимите с него, в самом деле, пиджак... А то ведь умрет от жары...

– Да нет же, все не так было, это не я сказала, но неважно кто. – Елена Владимировна не хочет, чтобы ее историю излагали другие. – Нет, правда! Мы сначала его по-хорошему уговаривали. А потом думаем, надо же, упрямый какой!.. Ребята на него навалились – давайте с Кости пиджак снимем! Поможем человеку, раз сам не может... А он руками отпихивается. Одного отпихивает, другого отпихивает... Так и не снял пиджак. Дело до драки дошло. А что это, как не драка, если в глаз дал? Дал Юрке Невельскому в глаз... И убежал! А Юрка: «За что? Что я сделал ему?» Мы еще в окно смотрели: бежит по двору! Чокнутый! Ну не псих ли? Мы ведь не знали, что с ним. Что у него рубашка задом наперед и дырявая. Это он мне только здесь рассказал, когда встретились!.. Про рубашку... А ведь я на самом деле только и любила чокнутых. У меня и первый, и третий муж были чокнутые. А второго я плохо помню. А Костю помню, хотя он и не муж никакой. Первая любовь. Ну, не совсем первая... Но по-настоящему – первая!

– Я не знал, что ты чокнутых любишь. Я повеситься хотел, – бормочет Константин Петрович, улыбаясь.

– Хорошо не повесился! – кричит Елена Владимировна в микрофон, и ее слова встречаются одобрительным шумом публики.

А дама в коляске-каталке провозглашает:

– Это ведь чудо! Чудо! Расстались, и через шестьдесят лет снова встретились! Здесь! Это же чудо!

Тут уже все начинают хлопать в ладоши.

Борис Борисович, директор дома престарелых, подает аккордеонисту знак, и тот, склонив голову, начинает играть вальс «Амурские волны».

– Танцы! – бодро объявляет Борис Борисович и выходит за дверь.

Дам приглашают кавалеры, а также другие дамы, потому что кавалеров меньше, чем дам, и придется некоторым дамам танцевать друг с дружкой. Константин Петрович сегодня снова герой и будет сегодня танцевать со многими, но первый вальс, конечно, – Елене Владимировне.

У него получается. Елена Владимировна правой рукой, слегка отставленной в сторону, крепко держит его левую руку, и рука Константина Петровича почти не дрожит.

Вторая сторона (параллельная первой)

Посещение

1

- Старик не так уж и плох. Сколько ему? Неужели восемьдесят?
- Во всяком случае, не меньше.
- А какая быстрая речь! Какая живость и бодрость!.. Сразу видно, великий ум!
- Ум, несомненно, великий, но иногда за разум заходит.
- Я этого не заметил.
- А как ты мог это заметить, если ты не знаешь немецкого языка?
- Разве я виноват, что он говорил по-немецки?
- А разве тебя кто-то винит? Я и сам не ожидал, что он будет говорить по-немецки.
- Ты первый заговорил. Ты приветствовал его на немецком. Он решил, что мы оба владеем немецким.
- А на каком языке я должен был его приветствовать?
- Однако согласишься, твое знание немецкого тоже далеко от совершенства.
- Тоже?
- В меньшей степени, чем мое, но... нет, право, ты должен со мной согласиться... тоже весьма и весьма далеко от совершенства... Не будем об этом. Сколько же мы были там – час, полтора?
- Не более получаса.
- Всего? Мне показалось, что дольше.
- Ты не участвовал в разговоре, вот тебе и показалось. А для меня время промелькнуло стрелой.
- Я участвовал выражением лица, игрой настроений. Или ты не заметил, что он часто обращался ко мне? Словно искал поддержки.
- О да, он ее находил!
- Признайся, ты тоже не был многословен.
- Вежливость не позволяла мне быть многословным.
- Ты очень старался. Ты как будто хотел произнести речь, но забыл слова. В самом начале.
- Пару вопросов я все-таки сумел задать. Этого от меня не отнимешь.
- Кстати, о чем?
- Какая разница? Он ни на один не ответил.
- Мне слышалось или ты в самом деле назвал имя Коцебу?..
- Верно, назвал. Я спросил его мнение о комедиях Коцебу. Надо же с чего-то начать разговор.
- Помилуй, но зачем тебе Коцебу? А ему-то какого лысого нужен твой Коцебу?.. Лучше бы ты спросил о Шиллере.
- Дело не в Шиллере и не в Коцебу. Слава небесная им обоим!.. Дело в другом. Мы приехали из России, не так ли? Ты же не будешь отрицать, что из всех немецких авторов у

нас больше всего любят Коцебу. Вот об этом я и хотел ему доложить. И добавить, что мы оба, и ты, и я, не ставим высоко комедии Августа Коцебу. Я хотел сделать ему приятное.

– Немцы считают Коцебу едва ли не русским шпионом.

– Послушай, мне нет горя до Коцебу. Просто я хотел через Коцебу перейти к общеевропейским темам. Взять, к примеру, короля Франции Карла Десятого...

– Надо было спросить о Шиллере. Как-то неловко ты поступил. На худой конец, о Шеллинге.

– Ладно. Как поступил, так и поступил, уже не воротишь. Одним словом, он пробормотал что-то невразумительное, когда я спросил его о комедиях Коцебу, и тогда я немедленно спросил его о поэзии Байрона.

– Байрона он должен любить. Но... почему Байрон?

– Говорю тебе, я хотел перейти к общеевропейским темам. Поговорить о восстании в Греции. Но для этого надо было сказать пару слов о смерти Байрона.

– И ты их сказал?

– С ним невозможно разговаривать. Он не слышит собеседника. Или просто не понимает, о чем его спрашивают. Я его про Грецию, а он мне про Индию.

– Про Индию? А Индия-то откуда?

– Вот и я про то же: откуда Индия? Откуда же мне знать, почему у него все мысли об Индии!..

– Байрон – англичанин, а где англичане, там и Индия.

– И поэтому надо так долго говорить об Индии, когда тебя хотят спросить о Греции?

– Не нужно было вспоминать Коцебу.

– Полагаешь, он принял нас за русских шпионов?

– Только этого не хватало... Но ты сам его смутил своим Коцебу. Когда ты сказал «Коцебу», он растерялся, я видел.

– Слушай, я, кажется, догадался. Он решил, что мы англичане.

– Мы – англичане?

– Да, он так решил.

– Разве мы не представлялись русскими?

– У старика неприятности с головой. Он плохо соображает.

– Тогда понятно, откуда взялась Индия... Но кроме Индии... он говорил о чем-то еще?

– Я понимал далеко не каждое слово, но все, что он говорил, определенно касалось исключительно Индии. Он что-то нес о взаимной вражде индийских племен. Но ведь я его не спрашивал об индусах.

– Да, ты сразу как-то сник... У тебя потух взгляд, я заметил. Стоило ему заговорить.

– Я слушал. А что мне оставалось делать? Я вежливо молчал. Подобно тебе.

– Может быть, в Индии происходят большие события, а мы того не знаем?

– Если бы... Нет, он просто читал нам лекцию. Уверяю тебя. Про индийскую географию, про индийское вероисповедование. Про флору и фауну Индии. В частности про бизон.

– Неужели ты знаешь, как по-немецки «бизон»?

– Так же, как по-русски.

– Но разве в Индии водятся бизоны?

– Они водятся в его голове. А ты говоришь, великий ум.

– Он все время улыбался.

– Закономерно.

– Жаль, жаль старика.

– Но речь действительно беглая. И бодрости у него не отнять, ты прав.

- Меня другое утешает: ему было приятно наше присутствие. Он был нам искренне рад.
- Другие гости тянут жилы из него и высасывают кровь. А мы нет.
- С нами он мог позволить себе быть ребенком.
- Это мы ему позволили. Слава богу, я сразу понял, с кем имеем дело. Заметь, я ни разу, ни единого раза не перебил его!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.